

Библиотека классической и современной прозы

НИМАС Татьяна

**МУДРОВАЯ
ЖИЗНЬ**

Библиотека классической и современной прозы

Татьяна Нимас
Муаровая жизнь

«Общенациональная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Нимас Т.

Муаровая жизнь / Т. Нимас — «Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков», 2019 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-28-2

Муаровая жизнь — это великолепная история о маленьком мальчике, родившемся в 30-м году XX столетия. Это правдивая история, которая, подобно сериалу, увлечет Вас за собой в пучину событий, описанных в книге. Книга о выживании и достижении целей. На ее страницах Вы найдете многое, что сокрыто в архивах и до сих пор умалчивается. Вы никогда об этом не слышали ранее и не найдете этому подтверждение или опровержение в открытых источниках. Книга полна необычайными сюжетными поворотами, которые не дадут Вам с ней расстаться ни на минуту. Одесский колорит, герои, которые станут для Вас родными. Вместе с ними Вы преодолеете беды и невзгоды, будете вместе с ними смеяться и сопереживать их утратам. Читая эту книгу, Вы полностью погрузитесь в их мир, на описанные события будете смотреть их глазами. Прочитав МУАРОВУЮ ЖИЗНЬ, Вы еще долго будете обсуждать ее отдельные главы. Она оставит неизгладимый след в Вашей душе.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-28-2

© Нимас Т., 2019

© Общенациональная ассоциация
молодых музыкантов, поэтов и
прозаиков, 2019

Содержание

Биография	6
Муаровая жизнь	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Нимас

Муаровая жизнь

© Нимас Т., 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019

Биография

Нимас Татьяна Николаевна родилась 26 июля 1983 года на юге, в г. Одессе.

С 1990 по 1998 годы обучалась в общеобразовательной школе № 56 г. Одессы. Мечтала стать хирургом, но после окончания девяти классов в сентябре 1998 года, по настоянию родителей, поступила в Юридическое училище Одесской национальной академии, которое закончила в 2001 году по специальности «Правоведение». Мечта быть доктором отошла на второй план, уступив место мечте обязательно работать в органах прокуратуры. В этом же году, в сентябре, она поступила на второй курс судебно-прокурорского факультета Одесской национальной юридической академии, где встретила своего будущего супруга, с которым расписалась в 2003 году. В 2005 году с отличием закончила указанное высшее учебное заведение по специальности «Правоведение». Мечта работать в органах прокуратуры также отошла на второй план, ведь на момент защиты магистерской работы старшей дочери, Елизавете, был 1 месяц. В 2009 году появилась вторая дочка, Полина, а в 2016 году – третья, Анастасия. Татьяна полностью посвятила себя семье.

Последние несколько лет супруг Татьяны, Александр, настаивал, чтобы она начала писать. В начале 2018 года она взялась за написание непростого произведения – исторического романа «МУАРОВАЯ ЖИЗНЬ». Автор лишь знала в начале работы, что это будет история о непростой судьбе ребенка. Далее несколько страниц в блокноте, подобно маленькому желудю, превратились в прекрасный могучий дуб – роман со множеством героев, интересных историй и судеб, переплетенных между собой. Интересное и необычное название произведения пришло ей во сне, когда уже были написаны первые главы. Весь роман автор писала в блокнотах, после переносила уже готовое произведение на компьютер. Отмечает тот факт, что в блокнотах практически нет зачеркиваний, эта история просто рождалась в момент написания. Иногда,

сядась писать продолжение главы, совсем не знала, что же дальше будет с героями, но история и события, которые происходят и увлекают читателя за собой, не заставляли себя ждать. Они появлялись, как говорится, прямо из-под пера. Реалистичность и подробность описания многих моментов произведения вызывает удивление у читателей: как это возможно, ведь книга повествует о 30-х – 40-х гг. XX столетия, когда еще не жила сама писательница. Все, кто прочел исторический роман «Муаровая жизнь», оставляют свои отзывы на страницах в социальных сетях писательницы обязательно с припиской: «Обязательно, с нетерпением, ждем новые Ваши книги». Это заставляет писательницу не останавливаться и подарить миру еще немало интересных произведений.

Интервью

- ТК «Круг», Одесса. Люди нашего міста (Люди нашего города). 12.07.2019
<https://youtu.be/38bM0IVEOSA>

Ссылки

- www.facebook.com/semianimas – Татьяна Нимас в Facebook
- [Instagram.com – NIMASTATYANA](https://www.instagram.com/NIMASTATYANA)

Муаровая жизнь

Память – это то, что бесценно.

Память о людях – это бессмертие.

Память о событиях – это история.

Я хочу подарить Вам бесценно-бессмертную историю, которая повествует о судьбе ребенка, жившего в самые тяжелые времена XX столетия. Читая эту книгу, Вы прочувствуете на себе все переживания героев, окунетесь в их мир, посетите разные города и страны, пройдете улочками старой Одессы, заглянете в ее знаменитые дворы. Вместе с героями произведения Вы будете плакать и смеяться, любить и ненавидеть, ведь это произведение полно юмора, любви и трагедий. Пройдя испытания судьбы вместе с главным героем, поймете, что в жизни самое главное.

Молодое поколение, живя беззаботно и практически всё имея, забывает или вообще не знает о том, через что пришлось пройти людям в XX веке, чтобы все мы так безоблачно жили в XXI.

Они молоды, красивы, умны, быстро разбираются во всем, пользуясь технологиями нового тысячелетия, многое знают и умеют, но, смотря на них со стороны, возникает опасение, что они станут бездушными роботами. Их жизнь – это лайки в соцсетях, забота лишь о количестве просмотров того или иного опубликованного видео. Они просто забывают быть людьми, теряют способность любить и ненавидеть, сочувствуют лишь плохо приготовленной еде в ресторане и, как результат, – ставят антилайк этому заведению и не задумываются совсем о глобальных проблемах человечества. Они стали редко читать художественную литературу, лишь пролистывают ленту известных социальных сетей.

Создав историю главного героя, я хочу, чтобы молодые поколения понимали, что все в этом мире переменчиво: зеленые луга, голубое небо, красивые виды может затянуть чернота и повергнуть все во мрак, и, чтобы этого не случилось, нужно помнить события истории.

Глава 1

Избавься!

*Пусть тебе приснится город Черноморье,
Тихий берег моря, ласковый прибой,
Ближние и Дальние Мельницы Одессы
И неповторимый шумный наш Привоз.*

Помню я себя в возрасте, наверное, лет полутора. Наклоняются надо мной сразу несколько приятных женских лиц и что-то нежными голосами говорят. Слова какие – неважно, но голоса у них добрые и ласковые. Женских лиц над моей кроватью было много, потому что воспитывала меня вся студенческая большая семья, весь курс. Но одно лицо я любил больше всех, оно чаще всего появлялось над моей кроватью и потом еще очень долгие годы всплывало воспоминанием в моей детской памяти. Мама. Как же мы недолго были с ней! Она для меня особенная, как, впрочем, все матери для своих детей. О том, как сложилась ее жизнь до моего появления, я узнал уже намного позже, и что именно ее упорству по жизни я должен быть благодарен своим появлением на свет.

Более десяти лет все высшие заведения были закрыты по всей стране. Одесса – первая из многих городов распахнула двери институтов для молодых людей, жаждущих знаний.

В далеком довоенном 1928 году Анастасия мечтала стать учителем. Поступив в Одесский институт народного образования, она начала свой путь обучения. Но незадолго до поступления по дороге из своего родного города она встретила его, того самого единственного, которому она отдала всю себя.

Терентий – его имя, необычное и красивое, было музыкой для ее ушей. Произносила его, и внутри, где-то там, внизу живота, тысячи иголочек слегка покалывали. Она всегда смотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами, полными любви. Он же всегда был сдержан в чувствах. Ей так нравилась эта его сдержанность. К ней всегда проявляли интерес мужчины, но она никогда не встречала таких, как он. Молодые люди, обычно подходя к Анастасии, говорили комплименты, спрашивали о банальных вещах, чтобы завести разговор. Терентий же всегда был немногословен, он редко показывал свои чувства.

При первой их встрече, обводя взглядом пассажиров, она не смогла отвести его от красивого мужчины, вошедшего в вагон, не могла заставить себя посмотреть в другую сторону. «Это ли не любовь?» – промелькнуло тогда в ее голове. Молодой человек, заметив на себе взгляд хорошенькой молодой девушки, не подошел к ней. Так сделали бы практически все мужчины, но не он. Анастасия спешно начала поправлять выбившийся локон из прически, думая, что причина в нем, ее лицо залилось краской. Прикусив губу, она потупила взгляд, начав рассматривать свои туфельки. А в голове при этом множество мыслей, и все, связанные с этим молодым человеком. Раньше так себя она никогда не чувствовала.

Разговор получился как-то сам собой. Оказалось, что он также ехал в Одессу поступать в знаменитое Одесское высшее артиллерийское командное училище. С разных городов страны молодые люди стремились в него поступить и встать на защиту Родины. Узнав это, Настя начала представлять его в форме и снова поймала себя на мысли, что такого раньше никогда не было. И снова, засмутившись, рассматривала свои туфельки.

Зайдя в вагон, Терентий увидел девушку, которая ему понравилась. Но подойти познакомиться было не в его правилах. Он прошел на свое место, которое оказалось неподалеку от незнакомки. В пути пожилая женщина попросила пересесть, и вот он уже сидит напротив нее, и они ведут непринужденный разговор. Отметил, что с ней ему интересно. Проговорили всю дорогу, чего раньше за собой не замечал. Посмотрел снова на нее, слегка наклонив голову

набок и улыбнувшись. Она спешно начала поправлять складки на юбке, потом волосы, потом начала рассматривать туфельки.

Терентий был польщен вниманием столь красивой девушки. Что-то его привлекло в ее взгляде и голосе. Немногословная, без ужимок, не хихикает постоянно, как многие в общении с ним. «Хорошая будущая жена, лишнего не спросит, покорная на вид и красивая, вдвоем мы неплохо будем смотреться», – промелькнуло у него в голове. На вопрос девушки о причине поступления именно в военное училище промолчал. Дело в том, что поступал всего лишь для получения формы, считая, что в ней будет выглядеть еще лучше. Он вообще подолгу любил смотреться в зеркало на свою прекрасно атлетически сложенную фигуру. Высокий рост, широкие плечи, густые темные волосы, всегда уложены на бок с четким пробором; не хватало лишь военной формы. В глазах все время поблескивали искорки, он как будто смотрел с хитрым прищуром и улыбался на одну сторону лишь уголками губ. Именно поэтому равнодушных девушек не было, ему это льстило, но порядком поднадоело.

Расставаясь на перроне, они договорились обязательно снова встретиться в городе. В конце лета Одесса прекрасна. Бархатный сезон – это пора любви, а живя в Одессе, где прогулки у моря наполняют твою душу счастьем, невозможно не влюбиться. Их встречи проходили в скверах и парках и, конечно же, у моря. Они были влюблены и в октябре поженились. Быстрая роспись, скромное бракосочетание, лишь подписи на документах – и началась их совместная семейная жизнь. Жили порознь: она в своем общежитии, он – в казарме военного училища. Увольнительные ему как курсанту первого года обучения давали нечасто, но он быстро разобрался, как убежать в самоволку, как подкупать дневального. Их встречи были недолгими, но яркими. Анастасия и ее однокурсницы по ночам работали на табачной, кондитерской или обувной фабриках. В дни, когда ему удавалось убежать в самоволку, а у нее был выходной, гуляли по ночному городу или у моря.

Он был прекрасен в своей форме, статен и высок, военная выправка; казалось, она влюбляется все больше. Но в вечернее время прогуливаться с человеком в форме под ручку, где в петлицах на темном фоне красовались золотистые курсантские знаки отличия, было опасно. Поэтому Терентий обязательно переодевался в гражданское, а на Привозе приобрел липовый студенческий билет Сельскохозяйственного института.

Но радость их совместной жизни огорчилась новостью, которая должна была ее только укрепить.

– Избавься от него!

Такого Настя не ожидала услышать.

– Как это избавиться? Я не могу, – голос дрожал. Взяв перед этим его за руки, она их отпустила. Голос ее, всегда мягкий и нежный, даже в эти минуты не перешел на крик. Не верила она в то, что человек, стоящий перед ней, настолько красивый снаружи, может это произнести, человек, которого она считала до этого момента идеалом, за которого вышла замуж. Неужели он ее совсем не знает? Ведь если бы понимал ее внутренний мир, он никогда бы так не сказал. Она выбрала профессию, связанную с детьми, с преподаванием, разве она может причинить вред своему неродившемуся ребенку. Она пыталась заглянуть в его глаза. Но они были холодны и пусты. Неужели они всегда были такие, и она просто этого не замечала? Ее голубые глаза небесного цвета наполнялись слезами. Он лишь повторил:

– Я сказал тебе, избавься! Вам, женщинам, виднее, как это делается.

Про таких, как она, говорят – доброй души человек, но и внешне она была красива. Голубые, бездонные, всегда искрящиеся любовью и радостью глаза; светло-русые волосы, наследие польских корней, чаще всего сплетенные в тугую длинную косу; голос, всегда мягкий и негромкий. Когда говорила, внутри всегда ощущалось тепло. Ее стремление стать учителем оправдывалось, ведь именно такие, как она, должны обучать детей, прививая добро и ласку с детства. Она во всем могла найти добро и никогда не повышала голос, никогда не бранилась. Поэтому,

имея ангельскую натуру, она не могла принять то, о чем просил ее он. «Избавься!» – это слово стучало в висках, оно засело в голове, она не понимала его и более не слышала, что он говорит о том, что не время, что это плохо для его будущей офицерской карьеры, что это только все усложнит. В его речи прозвучала и угроза расставания, и уговаривание, что так проще. Но она поняла лишь одно – этот человек любит лишь себя, и, оказывается, он совсем ее не знает.

Проговорив все, что считал нужным, он развернулся и ушел.

Она осталась стоять одна в сквере, в том самом, где он признался ей в любви, в том, где сделал предложение, в том, где, по ее мнению, он должен был подхватить ее на руки и закружить, узнав, что станет отцом. Стоял солнечный теплый июньский день. Сквер был наполнен прогуливающимися молодыми парами. Вечером здесь будет играть оркестр и будут танцы. Теплый ветер колыхал сочную зеленую листву на деревьях. Анастасия смотрела быстро уходящему человеку в спину, слезы душили ее. Порыв ветра сорвал с шеи платок, но она будто не заметила этого. Найти позитивное в слове «избавься» она не смогла, как ни старалась, просто решила, что поступит, как должна. Слезы подсохли, глаза снова заиграли огоньком, рука потянулась к животу, она улыбнулась, и мысль предстоящего материнства залечила душевную свежую рану на сердце. Но не знала она, что этот разговор является лишь малой трудностью на этом пути.

Анастасия решила, что я буду жить. Первое препятствие на пути своего появления на свет в лице моего отца я преодолел. Лето пролетело незаметно для нее. Наступила осень. Начался учебный год второго курса. А он ушел тогда, в начале лета, не просто на день или два, он ушел навсегда из ее жизни, и больше она его не видела. Правила в те годы были суровые в отношении студенток. За то, что решила меня оставить, ей грозило отчисление и автоматически – потеря права проживать в общежитии. Свое положение она скрывала, сколько это было возможно, а я, находясь под ее сердцем, вел себя тихо и не доставлял хлопот. Только рос и креп.

Глава 2

Цербер

Наступила суровая зима. В начале февраля морозы стояли лютые. На проходной женского общежития работала комендантом женщина, которую и женщиной назвать-то было сложно. Вечно недовольная и злая не к месту. Нет-нет – и ввернет словцо, неподобающее, непригодное для ушей девушек-студенток. Вид у нее всегда неопрятный. Впереди красовался непонятно для чего надетый фартук, который давно уже утратил свой светлый оттенок. Из кармана этого фартука вечно торчали огромные ржавые садовые ножницы с большими кольцами. Складывалось ощущение, что она их клала туда для устрашения молодых жительниц. Они ее и без этих ножниц боялись, как огня. Старались быстрее прошмыгнуть мимо, не сказав по законам приличия «добрый день» или «добрый вечер». Но только не Анастасия. Она всегда приостанавливалась на проходной, улыбалась плохо пахнущей бабере с вечно спутанными седыми волосами, что напоминали свалявшийся клубок пряжи, и негромко, в своей манере, приятнейшим голосом говорила: «Добрый день!» Ее подруги удивлялись, зачем она это делает, ведь в ответ Марфа Васильевна – так звали монстра, а за глаза Цербер – всегда ответит бранью. А Настя говорила подругам, что добро имеет особенность заражать, как болезнь.

– Вот увидите, и Марфа Васильевна когда-нибудь ответит без злых слов.

– Разве что в каком-то параллельном мире! – смеялись на это подруги.

Пророчество доброты в ту зиму не сбылось. Вечером первого февраля, проходя мимо комендантши после учебы, Анастасия, улыбаясь, произнесла:

– Добрый вечер!

– Какой он к дьяволу добрый, если снег метет и мороз до костей пробирает! – проскрипела из своей каморки комендантша, добавив еще парочку слов ненормативной лексики, характерных для ее формы общения.

В этот момент Насте сделалось нехорошо, а подруг рядом не было. Обычно они ее всегда старались сопровождать, даже дежурство негласное установили между собой и прикрывали ее положение. Сама Настя даже и не задумывалась, как будет дальше, когда я появлюсь на свет. Решили, что тайну будут сохранять все вместе и помогать будут тоже все по очереди: кормить, сидеть с ребенком, стирать. Об этом всегда болтали в своих комнатах общежития, смеясь и фантазируя. Им все казалось просто. Но на деле все оказалось по-другому.

На негромкий вскрик Насти, Марфа Васильевна выплыла, словно огромная каракатица, из своего укрытия – маленькой комнатки у входа с давно немывтым окошком и безо всякого участия спросила:

– Чего орешь? Ночь на дворе. Гадина, ты этакая!

Анастасия сразу поняла, что не все в порядке со мной. Живот словно сковало тугим обручем. Она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, боль держала ее в заложниках. Длилось это недолго, но достаточно, чтобы каракатица выползла посмотреть, что произошло.

– Спасибо, ничего страшного. Просто мышь показалась, – оправдывалась Настя.

Но было поздно. Когда опоясывающая боль накатила, Настя и не заметила, как расстегнулось ее тоненькое пальтишко, которое худо-бедно, но все-таки скрывало беременность, так как было на несколько размеров больше. И в этот самый момент Цербер был уже на воле. Марфа Васильевна склонила голову набок, прищурила один глаз, да как заорет:

– Паскуда! Нагуляла! Пошла вон!

Не то чтобы она сильно законность соблюдала, просто нравилось ей чувствовать свое превосходство. Не пускать опоздавших студенток вечером после девяти. И тогда приходилось лезть в окно, будя Зинку, потому что ее кровать находилась прямо под ним. Только в этой

комнате первого этажа окно открывалось, и поэтому Зинка привыкла, что ночью могут в окно влезть. Другая бы, наверное, заверещала, но не наша спасительница. Иной раз, если не спит, конспект какой учит, даже поможет влезть. Ведь не женское это дело – в окно карабкаться в юбке. Кавалеров для подруг тоже пускала. Здесь, правда, обязательно заранее предупредить нужно, чтобы халат набросила с вечера.

– Не монастырь же. Мне несложно, – говорила Зинка.

Увидев, что одна из студенток в положении, да еще та, кто, по ее мнению, корчит из себя святую, Марфа аж облизнулась. Это же не просто после девяти постучаться и попроситься пустить. Частенько, если ты не с пустыми руками, клятую охранницу можно было задобрить. Она бранилась и кричала так, что уши вяли. Но, прокричавшись, пускала, унося в свою комнатушку «оплату» за пропуск в неположенное время.

Она перешла на визг. Ее, оказывается, дурачили долгое время. И опять, не то чтобы она сильно обидчивая была, просто ей именно в этот момент захотелось себя главной почувствовать. Корила она себя потом за этот поступок, но не в этот день.

На ее крик из комнат в коридор первого этажа сбежались студентки. Марфа загорила собой проход и кричала, что ни при каких условиях не пустит злостную нарушительницу порядка в общежитие. По правде, Марфа боялась за свое насиженное теплое место работы. При выяснении всех обстоятельств Насте грозило отчисление, а комендантше – увольнение.

– Не намерена я уходить отсюда! Вот Вам! – и она скрутила кукиш, которым водила из стороны в сторону. – Не намерена я терять свое тепленькое место, мне здесь хорошо, и работа не бей лежачего.

Подруги, как могли, успокаивали ее, уговаривали, что никто не узнает, что восемь с лишним месяцев никто не узнал, и сейчас так будет.

– Позвольте ей остаться, мы все подтвердим, что Вы не знали, ну пожалуйста.

Что только не предлагали подруги, всхлипывая. Несли из комнат свои самые дорогие сердцу вещи: платья, платки, туфли, шкатулки, броши – все, что могло оплатить проступок. Они были готовы это все отдать, лишь бы Настю не выгнали. Она для них была ангелом-хранителем, они все ее любили, души в ней не чаяли.

– Не положено! – не уступая и не сдвинувшись с места орала Марфа. – У меня инструкция. Меня из-за Вас судить будут! – и только пуще прежнего себя завела, испугавшись того, что сама проговорила.

Но девочки не уступали. Настя всегда помогала каждой из них в трудную минуту, находила нужные слова утешения, поэтому спокойно не могли смотреть на происходящее. Все знали: если тебе плохо на душе – иди в комнату к Настёне, казалось, она будто бы забирала боль и тоску, общаясь. Вот уже и смех, а не слезы доносятся из комнаты. Ее вера в добро, действительно, поддерживала всех обитательниц студенческого общежития в столь тяжелые и сложные времена начала XX века. Для всех она была лучиком в темном ненастном небе, ярким и теплым. Но не для Марфы Васильевны, для которой страх перед увольнением оказался сильнее. Она не позволила ей даже пройти в свою комнату собрать вещи.

– Все живо по комнатам, я сказала! А кто останется в коридоре, завтра же составлю докладную записку на имя декана о пособничестве в нарушении порядка этой особой, – и она ткнула пальцем в сторону Насти, которая снова слегка ойкнула от нарастающей боли. – Пошла вон, тебе говорю! – обратилась она к ней. – Не то вытолкаю шваброй, как кошку драную!

Грозно начала надвигаться на беременную, держа руки в боки. Настя, не сопротивляясь, вышла на улицу ждать, пока соседки по комнате соберут и вынесут ее вещи.

Плакали все, равнодушно на эту сцену никто не мог смотреть, кроме главной его виновницы. Она следила за тем, чтобы никто не вышел на улицу. Девушки все прильнули к окнам своих комнат, а кто посмелее, спустились в коридор первого этажа, но дальше проходной идти все же боялись. Вдруг и их Марфа выгонит на улицу. Здесь ее царство, и перечить, когда

поняли, что бесполезно, больше никто не стал. Одна из соседок подошла к турникету на проходной, держа небольшой чемодан.

– Давай сюда пожитки! – Цербер грубо вырвала его из рук девушки и зычным голосом добавила. – Сопли подбери и марш в комнату. Это всех касается!

Открыв входную дверь общежития, она швырнула чемодан на землю, лишь проговорив зло:

– Проваливай!

Настя в тот момент не заплакала. Не об унижении она думала, не об обиде, ей было страшно и вопрос: «Куда же дальше идти?» занимал все ее мысли. Пока она стояла на улице и ждала чемодан с собранными на скорую руку вещами, ее голова, окутанная стареньким пуховым залатанным платком, полностью покрылась снегом. Ее единственная пара обуви – совсем не зимние, осенние туфли – утопала в снегу. И вот она стоит с чемоданом в руках, не зная, куда идти зимней холодной ночью. Зашла за угол здания, где ее чуть не сбили с ног бежавшие навстречу подружки. Открыв окно первого этажа, многие перелезли на улицу, в чем были: без платков и пальто, в домашних тапочках на босу ногу. Они кинулись ее обнимать и целовать.

– Все будет хорошо, – говорила Настя, а сама не верила в это. – Я поеду к маме, она ждет меня, – соврала она, так как мама не знала о том, что муж ее оставил и что она беременна. – Не переживайте, это должно было случиться когда-нибудь.

Они провели ее немного и вернулись, снова обняв на прощание и взяв обещание, что обязательно напишет. Она осталась стоять одна в темноте улицы. К вокзалу путь неблизкий. Малыш шевельнулся.

– Да, да, мой хороший. Я сейчас. Тебе, наверное, холодно? – раскрыв чемодан, начала искать, чем бы прикрыть живот. Ей казалось, так малышу станет внутри теплее, и может, боль внизу живота поутихнет. Найдя зеленую шерстяную юбку, улыбнулась, вспомнив связанный с ней случай:

«– Вот же ведьма! – вся в слезах Ольга зашла в комнату. – И ведь знает, что мы не на прогулках по этим дням, а на смене ночной!»

Настя как раз одевалась на вторую ночную смену. Часы показывали уже полвторого ночи, когда ее соседка по кровати вернулась. К ее возвращению Настя, как всегда, успела проснуться, одеться и заканчивала прическу.

– Что случилось? – спросила она подругу с беспокойством.

– Когда к Зинке в окно влезала, порвала свою любимую юбку! – и снова слезы.

– Оленька, я тебе отдам свою зеленую, она ведь тебе так нравится, – проговорила Настя, успокаивая подругу и доставая из чемодана, лежащего под их кроватью, зеленую шерстяную юбку».

«Ольга решила мне ее вернуть», – вспомнив беззаботные дни и мысленно поблагодарив подругу, она наскоро ее разорвала замерзшими пальцами, удивившись, откуда в ней эти силы. Укутав шерстяным лоскутом живот, проговорила:

– Спи, мой хороший. Предстоит долгая холодная ночь. Мы едем к твоей бабушке.

Идя по заснеженным ночным дорогам города, пела негромко песни, словно кошечка мурлыкала. Кое-как, добравшись на железнодорожный вокзал, Анастасия купила билет и пошла в зал ожидания. Ждать поезд пришлось более восьми часов.

– Все не так уж и плохо, – разговаривала она с неродившимся малышом. – Здесь теплее, чем на улице, и нет снега.

Найдя свободное место, она подставила чемодан под ноги, положила руку под голову и уснула. Ей снился сон. Лето, тепло, светит солнце и своими лучами сквозь зеленую сочную листву на деревьях пускает блики на лицо малыша. Это ее малыш лежит на подстилке, расстеленной на зеленой молодой траве, а рядом – счастливый Терентий щекочет ему маленькие пяточки. Она счастливо за ними наблюдает. Берет красивую плетеную корзину и достает

из нее на подстилку ароматный нарезанный хлеб, после – нарезанную ломтиками колбасу. Малыш смеется оттого, что ему щекотно, аж заливается. От этого улыбка не сходит с губ ее мужа. Семья. Внезапно небо становится черным, падающие крупные капли дождя заставляют их быстро собираться. Солнце исчезает за нависающими тучами, сверкают молнии, гремит раскатыстый гром. Исчезает все вокруг. Терентия рядом нет, и малыш пропал. Она бежит и кричит о помощи, вся промокшая от дождя до нитки, но никого нет рядом, кто помог бы ей, лишь слезы и капли дождя бегут по лицу. Вздвогнув, она проснулась.

Лишь капли воды оказались правдой. Это служащий вокзала, зная время ее отправления и видя, что женщина в положении и крепко спит, побеспокоился разбудить. Он склонился над ней, и капли растаявшего снега, стекавшие с его шляпы, капали ей на лицо.

– Дамочка, Вам пора. Скоро отправление. Можете не успеть.

Он помог ей встать. Затекшее от неудобной позы тело не слушалось ее. Проспала она, не двигаясь, почти все время до отправления.

– Куда же Вы в такую непогоду собрались, да еще и в положении? Поберегли бы себя и ребеночка. Мороз, говорят, крепчать будет.

– Спасибо Вам большое, Вы очень добры. К родителям еду, заждались они меня уже.

Не в ее манере было жаловаться на судьбу. Времена для всех были тяжелыми. Нищета, разруха, голод. Она считала, что незачем людям о плохом говорить, это все равно, что рану солью посыпать. Радостное поведает, глядишь – и собеседнику лучше, и глаза его веселее становятся, и морщинки ползут у глаз. Ей от этого всегда теплее на душе становилось. Так было и сейчас. Зачем знать незнакомцу, что идти ей больше некуда, что из института отчислили, что муж не поможет, потому что против рождения своего ребенка, и что рожать скоро срок, и что не ела уже давно. А она незнакомцу этому рассказывала, пока шли к ее вагону, как ждут ее родители, как обрадуются и какая зима все-таки красивая. А он все шел молча рядом и диву давался. И впрямь красиво вокруг, и как он раньше не замечал этого. Фонари на перроне подсвечивали падающие снежинки, которые, казалось, падали не сверху вниз, а наоборот. Лежавший на дороге снег искрился и похрустывал под ногами. И вот он тоже заговорил, вспомнив про своих родителей с улыбкой. Но она зашла в вагон, поезд тронулся, и снова незнакомцу стало неуютно и серо. Будто потушили огонь, гревший его недолгое время. Становилось холоднее, и уже снежинки не казались такими прекрасными, как она о них говорила. И снова подивился, что за девушка повстречалась ему. Пока она шла рядом, было светло и уютно вокруг и в душе. Но стоило ей сесть в свой поезд, и все прежние переживания и мысли вернулись. Грязь, холод, беды. Вот и подумал работник вокзала: «Точно ли была девушка? Может, то не человек вовсе был, а ангел?» Прочитав запретную молитву «Отче наш», побрел сдавать смену.

Глава 3

Сломленная

Никому не было до нее дела. Жизнь сломала ее, сердце давно уже стало каменным. Ее глаза давно забыли, что такое быть влажными от слез. Когда-то давно, она уже и не вспоминает об этом, у нее была прекрасная жизнь. Или это был сон, и этого вовсе не было никогда? Давно уже не снятся даже обрывки той жизни. Реальность – это комната размером два на три метра, да окошко в вестибюль с разбитыми, давно не мытыми стеклами, как окно в иную жизнь. Как же это жестоко: на закате жизни наблюдать, как у молодых девушек еще все впереди – первые поцелуи, первая любовь, первые разочарования в жизни. Для нее это все в прошлом, а это окно являлось для нее пыткой. Но работа есть работа. Только все внутри закипало, когда видела их жизнерадостные лица. При этом хочется выйти и сказать им: «Ловите момент, пока молоды, наслаждайтесь жизнью!» Но на деле, когда выходишь из своей комнатухи, почему-то на языке одна брань. Возвращается в свою комнату и удивляется. Что же с ней произошло, почему она стала такой жестокой? Некогда интересная собой женщина, которая нравилась противоположному полу. Ей не так уж много лет, как думают все окружающие, и, наверное, она также хочет, как они, беззаботно болтать о всяком. Но она не может.

Человеческое горе ломает людей, оно превращает их в зверей. Она знала, что за глаза ее прозвали Цербером в честь собаки на цепи в потустороннем мире. Когда-то она много читала, интересовалась науками. Они и не догадываются, наверное, что она из приличной семьи, что образована и больше всего любила читать любовные романы со счастливым концом. Но с ней приключился, к сожалению, не один из них. А совсем наоборот.

В один миг она осталась одна. Ее уже никто не обнимал с любовью за плечи по вечерам, она не чувствовала у груди трепет маленького тельца. Лишь иногда обрывки памяти, словно сцены в театре: больница, больно, то очень жарко, то очень холодно. И память смешивает картины воспоминаний реальной жизни и забытья. Так она и продолжила жить – наполовину в реальности, а наполовину во снах. Единственной ее отрадой были картинки, которые она бережно вырезала этими жуткими большими ржавыми ножницами. На них запечатлены моменты, которые она хотела бы иметь вместо своих воспоминаний. Вырезая их из журналов, бережно складывала и подписывала в свой фотоальбом. Склеивала по кусочкам, сама собирала свою жизнь, точнее, не свою, но это уже и неважно для нее.

О том, как выглядит, совсем не помнила. В зеркало не смотрелась уже долгие годы. Решила, что так лучше, иначе разум начнет сопротивляться и твердить: «Это не ты, на этих твоих картинках. Кого ты дуришь?» А так, смотря на каждую картинку в альбоме, она представляла историю из своей мнимой жизни.

Только одна девушка периодически заставляла чему-то в ее душе переворачиваться. После того, как поздоровается своим негромким голосом и улыбнется, у нее ком подступал к горлу, и прошлое лезло наружу, словно оживший мертвец. От этого ей становилось совсем нехорошо, начинала сильно болеть голова. Поэтому улыбчивую и приветливую студентку она ненавидела больше всех. Кого-то ей напоминала эта молоденькая милая девушка, но углубляться и рыться в памяти она не хотела. Допустить, чтобы болезненные воспоминания вернулись, она не могла.

– Той жизни не было, меня той не существовало, – твердила она постоянно себе после встречи с добродушной девушкой, обхватив голову руками. Повторив множество раз мантру, садилась листать свой фотоальбом.

Почему она так жестоко обошлась с невинной девушкой в тот день, она не могла объяснить. И сделала она это не совсем из-за боязни своего увольнения, как сама всем твердила.

Сердце ее давно уже стало гранитным и не реагировало на радость или грусть, но в тот день оно дрогнуло, и, почувствовав это, она испугалась, что та боль, которую она загнала в самую глубь, прорвется наружу и разорвет его на кусочки. Позволить, чтобы память вернула те воспоминания боли утраты, она не хотела. Только этого она боялась. Об этом никто не мог догадаться. Ей это и нужно было, чтобы никто не лез к ней с улыбкой и расспросами о ее семье, о пережитом дне или самочувствии. И только эта неутомимая девушка не переставала улыбчиво справляться о ее здоровье.

В тот вечер, когда она вышла из каморки и обнаружилось, что эта приветливая девушка беременна, тяжесть прошлой ее жизни легла на нее словно тяжелая бетонная плита, и она начала гнать прочь воспоминания, выработанным за долгие годы способом. Слова подбирала позднее, голос погромче и, не задумываясь, несла всякую чушь, не понимая значения половины бранных слов. Такой способ всегда помогал ей. Но только не в этот раз.

Глава 4

Поезд

Настя прошла в вагон, присела на свое место. Поезд неспешно тронулся, вначале немного дернув весь состав. Перрон, город, мечты остались за окном и таяли образами в окне вагона, оставаясь далеко позади и в прямом, и переносном значении.

И снова эта боль в животе, но уже сильнее; и возвращалась уже через определенное время, все нарастая и сокращая время между приступами.

«Только не это!» – подумала Анастасия. Но поезд мчался по своему маршруту Одесса-Херсон, изредка делая недолгие остановки. Когда все вокруг поняли, что девушка рождает, схватки были уже невыносимыми. Я пробирался на этот свет. Мама тихонько стонала и плакала, кусая в кровь губы. Она больше всего боялась за мою жизнь.

Денег у нее хватило купить лишь билет в общий вагон. Тогда существовали купейные – комфортные, плацкартные – менее удобные, и общие, в которых были места исключительно сидячие. В этих вагонах разрешалось курить и пить, они совсем не отапливались, и людей обычно больше, чем мест. Ведь проводники тоже имели семьи, которые нужно кормить, поэтому билет можно было не покупать, а просто договориться с проводником за меньшую стоимость.

Когда схватки усилились, Анастасия перестала ощущать запах, стоящий в вагоне, состоящий из смеси перегара, табачного дыма и пота. Сев в поезд, она подумала, что ей нехорошо именно из-за него.

Сходить с поезда было поздно: ближайший крупный город, Николаев, находился в пяти часах езды.

На момент родов весь вагон превратился в один большой механизм, который работал на создание условий, подобных роддому. Мужчины пересели в одну часть вагона, женщины в другую. При этом мужская половина передала в созданный «родильный зал» все, что могло пригодиться: портянки, кальсоны, рубахи. После пожертвования в фонд моего рождения они занялись привычным мужским делом. Тем, чем обычно занимаются мужчины в ожидании рождения ребенка: курили, пили, ели и обсуждали политику.

Женщины же соорудили из порванных рубах небольшую перегородку, чтобы роженица не смущалась. За горячей водой приходилось бегать в купейный вагон. Женщины делали это по очереди, в холодном вагоне вода остывала быстро.

Что характерно для человека. Когда случается беда, многие чужие тебе люди готовы отдать последнюю рубаху во имя твоего спасения, а родной человек по крови, отец, даже не удосуживается побеспокоиться о твоём здоровье.

Вагон превратился в улей. Множество голосов сливались в один громкий гул. Мужские голоса выкрикивали тосты, играющие – комбинацию карт, другие спорили о политике, перебивая друг друга, женские то и дело кричали: «Воды! Еще! Тужься! Сильнее! Держись, милая!»

И вдруг весь вагон пронзил мой детский первый крик, и резко наступила полная тишина. На свет появился новый человек, и все затаили на мгновение дыхание и умолкли. А потом вагон снова резко ожил, все вокруг обнимались и поздравляли друг друга с моим рождением. И радость эта, неподдельная, искренняя, шла от самого их сердца.

Так я появился на свет во время следования поезда из одного уголка страны в другой, именно там, где встретились мои родители и где родилось их чувство. И снова моя жизнь могла оборваться, но судьба посчитала по-другому. Я сразу подал голос, появившись на свет. Мама плакала теперь уже от счастья, что слышит его.

В свидетельстве о рождении указала фамилию отца, своего мужа, а меня нарекла Ярославом, именем ярким и сильным, означающим «славный своей жизненной силой». И действительно, с рождения я обладал крепким здоровьем и неистовым желанием жить, в детстве ни разу не болел, а жизнь моя до зрелого возраста была ох уж как ярка и красочна на события, и только, видимо, внутренняя сила позволила бороться с преградами на моем жизненном пути. Голосистый и задиристый я был тоже с самого рождения. Происходящее вокруг считал в свою сторону выпадами судьбы, с которыми сразу принимался вступать в схватку, считая себя всегда победителем. Я никогда не трусил ни перед чем. Возможно, как раз из-за так часто вырабатываемого адреналина до двадцати лет, я так долго живу на этом свете. Ведь существует теория о том, что этот гормон ее продлевает.

Близкие мне люди полным именем меня называли очень редко. Институтские друзья мамы нарекли меня коротким одесским именем, как им казалось, производным от Ярослава – Савва.

В Одессе в те годы из любого, обычного на слух имени делали артистическое прозвище, псевдоним. В эти имена всегда вкладывался необычайный южный колорит этого города. Немного солнца, немного поскрипывающего песка на зубах, немного разбоя, чем славилась тогда Одесса, немного Привоза – и готово имя, которое совсем отличается от того, что в паспорте записано. И все местные в разговоре всегда знали, о ком идет речь. Этот город так и называли – большой коммунальной квартирой. Не из-за того, что он беден или нецивилизован, а потому, что здесь все друг друга знали или «немножичко слышали». Судьбы переплетались подобно замысловатому узору. Георгия здесь звали Жоржик, Гарик, как угодно, но только не как везде – Гриша. Марию звали Муня, Мурка, Мусечка, Елену – Лялечкой, Алексей вообще мог стать Яковом, а имя Фира, вы сразу и не сообразите, от какого производное. Так и я обрел свое имя, я стал одесситом Саввой.

Магия этого города в течение жизни притягивала меня. Я понял одно – у каждого человека есть свой город для счастливой жизни. У меня это была Одесса. Я все время возвращался на юг, к морю, и именно здесь обрел счастье после тяжелых испытаний.

Глава 5

Возвращение

– Мы тебя отстояли! На следующее утро мы были у декана всем курсом! Тебя не отчислят, тебе позволят учиться, а мы все, как и обещали, будем помогать тебе с малышом. А еще тебе выделяют бесплатный обед, – на пороге квартиры родителей Анастасии стояли ее студенческие подруги, которые делили с ней комнату в общежитии и наперебой кричали новости.

Общежитий построено было мало, и мест в них совсем не хватало студентам. В небольших комнатах стояло по пять кроватей, а живущих студентов десять, по два человека на кровать. Из положения выходили просто: ночевали по очереди. Стипендию никому не платили, и все студенты работали, и чаще всего в ночную смену, поэтому кровать делили также посменно. Одна девушка уходила на работу, другая ложилась отдыхать. Весело и дружно. Когда комендантша выгнала Настю, все на следующий же день были у декана, потому что не могли позволить лучшей студентке курса бросить свою мечту. Они все знали, как сильно она хотела стать учителем и как упорно к этому шла.

У Насти выступили слезы на глазах. «Спасибо, Господи! – подумала она, – за то, что я плачу в последнее время только от счастья». Как будто почувствовав, что немного и о нем подумали, на руках Насти зашевелился, по-особенному посапывая и покрхтывая, малыш.

– Дай мне подержать! – в один голос вскричали подруги. От их резкого вскрика я уже разошелся не на шутку. А они все вместе засмеялись.

Мама вернулась в институт, продолжила учиться, а я наслаждался большим количеством нянек. Думаю, именно с тех пор женский пол во мне души не чаял.

Особенной была встреча у мамы с человеком, который выгнал ее в ту холодную зимнюю ночь на улицу. В день возвращения Насти она привычно не вышла из своей комнатки, хотя студентки шумели и смеялись в коридоре на проходной. Обычно на такое Марфа Васильевна реагировала молниеносно, бранясь и разгоняя веселящихся девушек. Не встретила мама ее и в ближайшие дни, и в свойственной ей манере расспрашивала подруг, где же Марфа Васильевна, не заболела ли, не выгнали ли с работы.

– На месте ведьма. Может, стыдно просто ей, – отвечали соседки, зло улыбаясь.

На день пятый после возвращения мама решила навестить комендантшу. Она как раз возвращалась со мной с дневной прогулки, на которую спешила каждый день после пар. Набралась смелости и сделала то, чего никто не совершал из жильцов общежития до этого. Она постучала в дверь Марфы. За дверью послышались шаги по направлению к двери, но никто не открыл. Настя снова постучала, уже настойчивее. И снова никто не открыл. Мама заговорила.

– Откройте, пожалуйста, Марфа Васильевна. Я знаю, что Вы там.

И тут я, ощутив, наверное, голод после прогулки, решил тоже подать свой твердый голос. Дверь отворилась, и на пороге стояла несчастная женщина и смотрела на источник крика на руках Анастасии. Мама сразу поняла, что творилось в душе у Марфы Васильевны. Она с самого начала знакомства с Марфой видела, что этот человек не просто так проклинает весь мир. Она очень хотела ей помочь излечить ее израненную душу и была права, подумав, что комендантша скажет добрые слова.

Мама молча протянула ей меня, закутанного в одеяло. Чувствовала, что ничего плохого не случится. Ее природная психология подсказала, что именно это в данную минуту необходимо Марфе. Та, как замороженная, не сводя с меня глаз, протянула дрожащие руки. И я оказался на руках человека, из-за которого мог погибнуть. Настя отдала малыша и спросила негромко:

– Вы мне с ним поможете? Пожалуйста.

И что-то зажглось в глазах у Марфы, она ожила, подобно сломанной шкатулке в руках мастера. Весь механизм заработал. Сначала, конечно, его необходимо было очистить от ржавчины, но сердце застучало в радостном ритме, затрепетало от счастья.

С того дня Цербера больше и не видели. Удивлялись только все студентки переменам с Марфой. Прикрикивать и гонять жительниц она меньше не стала. Порядок есть порядок, но няньки для меня лучше не было, пока мама жила там.

– А она и не старая совсем, оказывается, – говорили друг другу студентки.

Первым делом Марфа навела порядок в своей комнатке, а в зеркало как посмотрела на себя, опешила поначалу. Настя, видя, что броня непонимания пробита, тут же во всю свою силу помогала Марфе снова к жизни вернуться.

У мамы в это время у самой не все было гладко в личной жизни. Своим видом она этого никому не показывала, но от соседок, которые уже больше года с тобой прожили, такое не утаишь.

Примерно через неделю после возвращения передали ей письмо от Терентия. Настя и забыла, что не сообщила мужу о рождении сына. Письмо на скорую руку открыла, прочла, и ее глаза наполнились грустью. Марфа как раз рядом стояла со мной на руках, и сразу поняла, что новости в письме нерадостные. Начала отвлекать маму расспросами, пытаясь увести ее грустные мысли подальше. Терентий просил развод, точнее, требовал освободить его от бремени. Все слова в письме были хлесткими и подобраны так, что должны были задеть ее до глубины души. Должны были, но не задели. Та глубина уже была достигнута им тем единственным словом: «Избавься!» – и более никакие другие слова так не ранили.

«Неприятное письмо, не более того, – подумала Настя. – Я с Терентием еще тогда попрощалась. Сейчас просто нужно оформить все официально».

Думаю, она отца приняла бы назад в любой момент. Чувства не могут исчезать так быстро, если это истинная любовь. Только чувство это было односторонним. Один любил, другой позволял себя любить. Препграда на пути, и один из них уже не готов идти дальше плечом к плечу по жизни. Она любила его, поэтому отпустила. А письмо сжечь хотела, да я отвлек, и попало оно в руки подруг. Все они были за справедливость, что доказывало мамино возвращение в студенческие ряды. Так и в этот раз: на следующий день на своем тайном совещании на курсе без участия, конечно же, моей мамы они постановили: «Обидчика наказать!» Наказать телесно. Выманить решили письмом от имени моей мамы. Возмездие вызвались осуществить почти все ребята с курса. Руководители тайной операции, соседки моей мамы по комнате, выбрали, по их мнению, самых надежных, которые приведут приговор в исполнение.

Терентий шел неспешным шагом по улице к месту встречи, указанному в письме жены. Время суток было темное, фонари на улицах не горели. Странно каркнул ворон, и неожиданно он почувствовал сильный удар по голове. Кто-то незаметно вынырнул из арки дома, когда он мимо нее проходил. От удара он упал, не понимая, что произошло, только услышал, что нападавших было несколько. Один из них наклонился к нему и сказал на ухо:

– Это тебе за Настю, гнида!

После этого множество ног начали его бить. Вначале он уворачивался, пытаясь прикрыть места ударов руками. Но их было слишком много. Внезапно обожгло левый бок и почти сразу левую руку, которая рефлекторно прижала место жжения. И они разбежались так же быстро, как и появились.

Мой отец выжил, несмотря на то, что его травмы были серьезными. У него была своя линия жизни, которая еще окажет влияние на мою.

Глава 6

Янина

В 1918 году после подписания Брестского мира и окончания Первой мировой войны Польша обрела независимость. Но польский народ, истерзанный войной и голодом, этого не ощущал. По договоренности между Советской Россией и Центральными державами, одним из пунктов значилось возвращение железнодорожного транспорта на территорию России.

В эти годы в мире практически все люди находились в состоянии выживания. А там, где прошла война, были смерть и разруха. Люди, проживающие в польских селах вблизи железнодорожных станций, приходили к поездам попрошайничать, просить какие-то крохи еды. Села разорены, работы не было, война оставила семьи без кормильцев.

Янина уже не в первый раз приходила на станцию просить немного еды. Говорила она только на родном польском языке, но некоторые слова были схожи с русскими и украинскими, плюс общепонятные жесты. Ее понимали и давали кусочек хлеба, иногда небольшой кусочек сала. Так она и жила последние недели. До этого боялась выйти из дома в селе и ела все, что считала съедобным. Она давно осиротела и жила сама. Отец, немец, уйдя на фронт, оставил о себе лишь два воспоминания: отчество Францевна и фамилию Майер. Мама умерла еще в далеком детстве, и Янина совсем ее не помнила.

Сильнейший голод вынудил ее идти к вагонам на станцию. Все вокруг кричали, что война закончилась. «Значит, с ней закончились все беды», – думала Янина. В эти дни поездов было много, но все они были пустые, без пассажиров. Почему так было, девушка не знала. Она подошла и обратилась на польском к мужчинам, стоявшим и курившим возле одного из вагонов, жестами объясняя, что голодна и хочет есть. Они переглянулись, подмигнув друг другу.

Ей было уже полных семнадцать лет, вся грязная и в рваной одежде. Красавицей она не была: небольшие светлые глаза, слишком светлые, немного даже прозрачные, поэтому долго задерживать взгляд на них не хотелось; немного оттопыренные уши; светлые брови и ресницы; спутанные желтоватые волосы кое-как сплетены в косу под подобием косынки на голове.

Машинисты дали ей, как собачонке, кусочек хлеба, бросив его на пол. Голод давно научил ее не обращать внимания на такое поведение других людей. Они смеялись, бросая небольшие кусочки на пол, а она покорно собирала их и клала в торбочку на шее. Они снова переглянулись, о чем-то поговорили, оценивающе поглядывая в ее сторону. Поняв, что она совсем не понимает их язык, еще больше обрадовались. На языке жестов и отдельными фразами предложили ей больше еды, но для этого ей нужно было подняться в вагон. Думала она недолго и согласилась. Из разговора с ними поняла, что предлагают поесть и немного покататься. Потом привезут обратно.

Жизнь ее в этом забытом, заброшенном селе была одинаково несчастна каждый Божий день. У нее вспыхнула маленькая надежда, а вдруг там, куда движется этот поезд, все по-другому. А вдруг там другая жизнь, лучше этой? Может, там она не будет больше голодать и нуждаться? Именно поэтому она согласилась, почти не задумываясь. Надежда на что-то лучшее толкнула Янину войти в вагон. Но не знала она, что путь этот будет еще страшнее прежней жизни. Ее накормили, но только после жутких издевательств. Об этом она дала себе слово никогда больше не вспоминать.

Поезд прибыл в южный город, Одессу, и стоял на разъездных путях недалеко от центрального вокзала. По прибытии машинист и его помощник объяснили ей, что необходимо подождать, что скоро за ней придут. Спустя два дня ее нашли, еле живую, служащие станции Одесса-Главная. Никто за ней не пришел, выйти она боялась, так и лежала на металлическом полу вагона в своей рваной одежде. Документов никаких у нее при себе не было, их давно уже

не было. Пожалев девушку, работник вокзала отвел ее к дежурной медсестре в центральное здание вокзала, где ей промыли и обработали ссадины и ушибы и напоили чаем.

– Она совсем не говорит по-русски, она и на родном языке, кажется, плохо говорит, – сказал служащий, приведший ее к медсестре.

– Сколько же она провела в вагоне времени без еды и воды? – спросила медсестра.

– Я должен отвести ее в вокзальное отделение милиции, таков порядок, – работник с жалостью посмотрел на молоденькую девушку, которая пила чай из чашки и смешно посербывала его, как ребенок.

Не зная языка, Янина поняла из разговора мужчины и женщины, которая угостила ломтиком хлеба и чаем, что ее отведут в милицию. Она испугалась. А вдруг ее вернут в родное село? После нескольких дней ада в этом вагоне с этими мерзкими машинистами, ее снова могут вернуть на станцию попрошайничать. Здесь кипит жизнь, она это чувствовала. Кусочек хлеба, что ей дали, она бережно держала в руках и откусывала маленькими кусочками, запивая сладким чаем. Такого вкусного Янина никогда до этого не ела. Здесь, на вокзале, пахло соляной, мазутом, но сквозь них Янина уловила множество других приятных запахов, которые пробивались. Где-то там, за вокзалом, шла жизнь, она это ощущала. Не смерть, как в ее селе, а бурлящая, настоящая жизнь. Ей непременно нужно туда, поэтому допустить отвести ее в милицию или к солдатам она не могла.

Перебив медсестру, которая что-то объясняла мужчине, Янина шепнула что-то на ухо женщине.

– Конечно, ты столько чая выпила. Идем, милая, отведу тебя.

– Я подожду вас здесь, – ответил мужчина и остался сидеть в коридоре.

Медсестра провела Янину и осталась ждать ее возле двери в коридоре. В туалете оказалось большое окно, которое она с легкостью открыла и перелезла на улицу. В первый момент Янину будто ослепили. Яркое солнце, люди все красиво одеты, трель издал маленький поезд, огибающий красивый парк по небольшим рельсам. Она не поверила своим глазам: все такое чудное и необычное. Янина зашагала вперед. Стоял слегка прохладный утренний день, большинство людей шли в одном направлении, вместе с ними пошла и она. Немного прошла от вокзала, и дорога вывела ее к большим красивым кованым воротам, сверху которых красовалась надпись: «Привозъ». Прочсть ее она не смогла, потому что писать и читать она не умела даже на родном польском языке.

Янина прошла в ворота и очутилась в новом, необыкновенном для нее мире. С разных сторон тянулись прилавки, на которых лежали фрукты, овощи, она прошла молочный ряд, мясной, рыбный. От всего увиденного у девушки даже закружилась голова. А какие люди ее окружали! Вот прошли ярко одетые женщины и мужчины с гитарами, пели песни и, громко что-то проговаривая, подходили к торговцам. Те почему-то при этом не улыбались в ответ приветливым певцам, а наоборот, зло что-то отвечали и гнали их от своих торговых мест. Они прошли, и один из продавцов кинулся за артистами вслед с криками, держась за пояс, где, наверное, был кошелек. После – ее интерес привлекли мужчины, одетые в полосатые кофты, в красивых фуражках, надетых набок. Один из них, взяв стебель цветка в рот и положив руки на сердце, что-то мурлыкал одной из продавщиц, сев на ее прилавок. Все женщины в красивых платьях, с плетеными корзинками. Детвора бежит меж рядов, периодически получая подзатыльники от торговцев за воровство фруктов. И все улыбались, многие пели, кто-то громко что-то рассказывал и жестикулировал, собрав зевак, и снова смех. Она никогда в своей жизни не видела так много улыбающихся лиц. Что это за место такое?

А сколько здесь диковинной еды! Над бетонными прилавками висели разноцветные палочки: розовые, малиновые, красные. На самом прилавке стояли разноцветные баночки разного размера и вида. Продавец кавказских кровей, с большими усами, зазывал всех проходящих попробовать его товар, уделяя больше внимания женщинам. Приставлял сложенные

пальцы к губам и целовал их, как только видел симпатичную девушку, при этом восклицая: «Вах! Вах!»

«Я останусь здесь жить. Это место, словно город в городе. Оно больше моего села», – подумала Янина. В нескольких углах этого большого рынка она обнаружила краны с водой. Приведя себя немного в порядок, умывшись, Янина подняла с земли кусочек разбитого глиняного горшка и начала просить подать ей еды или денег.

– Проша ештъ, – проговаривала девушка на польском языке, который только и знала, и что означало – «пожалуйста, поестъ».

В первый день на рынке Янина наелась так, что болел живот. Ей казалось, будто она шарик, который сейчас лопнет. Столько не ела с самого своего рождения. Все такое вкусное и необычное. Ей даже понравилось в рыбном ряду, в котором стоял устойчивый запах морских и речных обитателей. Она проходила и удивлялась забавной плоской рыбе, похожей на большую тарелку с шипами. Другая и на рыбу не походила, словно толстенная змея, темная и скользкая, с большими глазами. В ведрах лежали темные ракушки. Неужели их едят? А больше всего понравились на вкус маленькие красные жучки с множеством ножек, они походили на раков, только очень маленькие. Продавец ей подмигнул и насыпал полные ладошки. Девушка стояла и смотрела на них, совсем не понимая, что с ними делать. Увидев это, продавец взял маленького рака и оторвал переднюю часть, голову с ножками, а с хвостика снял шелуху и протянул на ладони небольшой розовый кусочек мяса. Какие же они вкусные, соленькие, после этого девушка побежала пить к крану. Уже освоившись, знала куда идти.

Наступил вечер, и все начали расходиться. Идти Янине было некуда, и она решила спрятаться под одним из прилавков до утра. Загородившись пустыми ящиками, она, словно котенок, свернулась калачиком и уснула крепким сытым сном. На ночь ворота, а их на рынке оказалось четверо – с каждой из сторон – закрывали. Но она не одна ночевала на рынке, под другими прилавками также прятались люди, которые, видимо, как и она, не имели дома.

Так и жила на рынке полька, прося еду на своем языке. Выходить за территорию базара боялась: вдруг не найдет дорогу назад в этот оазис еды. В один из обычных для Янины дней к ней подошла женщина и заговорила с ней на польском языке, спрашивая, откуда она и как здесь очутилась.

– Меня зовут Ольга Феликсовна, – представилась женщина в начале их беседы.

Они о многом в тот день проговорили. Янина была счастлива, что встретила человека, который понимает ее речь, и она может рассказать о себе и расспросить больше об этом месте. Она задавала много вопросов и радовалась, что получает на них ответы. Ведь до этого совсем не понимала, где сама находится, в какой части мира. А потом женщина, попрощавшись, ушла, и девушка снова осталась одна. На следующий день, почти с самого раннего утра, Ольга Феликсовна вернулась и заговорила с ней серьезным тоном.

– Яниночка, у меня нет детей. Мы живем с мужем в отдельной квартире и хотели бы, чтобы ты жила с нами. Сейчас тяжелые времена, а мне не помешает помощница.

В квартире на Ближних Мельницах, в семье слесаря высшего разряда и медсестры военного госпиталя начала жить молоденькая девушка польского происхождения.

* * *

– Там новенького привезли без документов, но в форме. Два ножевых ранения и многочисленные травмы. Тебя вызывает Кирилл Эдуардович, – сказала сестра-хозяйка молодой девушке, стоящей у окна.

– Бегу, – ответила девушка со слегка уловимым акцентом.

Почти десять лет постоянной и упорной учебы со своей спасительницей дали результат. Ольга Феликсовна занималась с ней каждый день по многу часов русским и польским языками,

арифметикой, историей, литературой и другими науками. Научила грамотно читать и писать на русском и польском языках и, главное – правильно излагать свои мысли.

– Ты большая умница, Яночка, – ласково, на свой манер, называла ее Ольга Феликсовна. – Когда человек чего-то хочет, он всегда это может получить, необходимо только работать, работать и еще раз работать. А самый главный труд – это каждодневная работа над собой, самосовершенствование. Не всем это дано, голубушка. Многие просто останавливаются, достигнув однажды, по их мнению, своего уровня. А я считаю, что всегда есть куда расти.

Времена меняются. Это раньше девушек учили только вышивать да на фортепиано играть, готовя лишь к замужеству. Сейчас все иначе. И я тобой горжусь. Ты всегда ответственно подходишь к любому моему заданию.

В свое время Ольга Феликсовна, одна из немногих девушек города, окончила гимназию, была образована и начитана, знала в совершенстве несколько языков. Она обладала великолепным даром преподавания. Часто помогала соседским детям с домашними заданиями по разным предметам. Ей это очень нравилось. На этапе открытия вузов в Одессе в связи с нехваткой педагогов ей предложили выгодные условия, льготы и должность в одном из них.

– Преподавать – это мое хобби, а помогать людям вставать на ноги – это мое призвание, – вежливо отказала она. – Я уже помогаю людям и не намерена менять шило на мыло, – отвечала, когда предложение о смене профессии становилось назойливым.

За время брака с мужем Константином детей не было, поэтому Янина стала для нее дочерью, о которой она всегда мечтала. Молоденькая девушка никогда и ни в чем не перечила, быстро училась и радовалась каждому дню. Просыпаясь, благодарила мысленно, а встретив – благодарила словами свою спасительницу, ведь она помогла ей вырваться из череды несчастий.

Когда приемная дочка заговорила на русском языке без акцента, Ольга Феликсовна устроила ее в госпиталь. Там всегда нужны были свободные руки, а с рекомендацией от Ольги Феликсовны, которую уважал весь медицинский персонал, Янина сразу же приступила к работе. Поначалу помогала на кухне, чуть позже покровительница забрала ее санитаркой в отделение хирургии, где сама работала, и смены у них совпадали. Ольга Феликсовна теперь обучала девушку медицине, и через пару лет воспитанница уже полностью владела профессией медсестры. Ей были переданы все знания, а она их с благодарностью приняла и применяла.

Янина полюбила военный госпиталь с самого первого дня посещения. Она помнила, как переступила порог больницы и в носу защекотало от специфического медицинского запаха. Но как ни странно, он ей понравился. Янина не испытала дискомфорта, как многие. Пахло йодом. Запах очень походил на выброшенные на берег водоросли. Часто прогуливаясь пляжами Черного моря, она даже останавливалась, чтобы побольше подышать морем, как говорили в этом дивном городе. Ольга Феликсовна очень часто обращала внимание Янины на правильный русский язык и специфический одесский.

– Понимаешь, Яночка, так говорить правильно, а так говорят у нас, в Одессе.

– Так как же мне говорить? – спрашивала ученица.

– Как подсказывает твое сердце, милая моя. Одесситы чувствуют свой город душой. Ведь не в море и не в красивых домах здесь все дело. Таких городов в мире очень много, уж поверь. Дело в людях, которые живут в нем, все дело в нас. И ты тоже можешь однажды стать одесситкой, если захочешь.

Янину притягивало все, что было связано с морем и этим самым замечательным городом на свете, городом, который подарил ей будущее.

– Я слышала, что среди прочих институтов в Одессе открывают медицинский. Я все узнаю. Яночка, ты готова превзойти своего учителя? – с улыбкой спросила Ольга Феликсовна по дороге домой.

В 1928 году Янина поступила в Одесский медицинский институт. Она была лучшей студенткой на курсе, ее всегда ставили в пример другим. Она по ночам прочитывала одну меди-

цинскую книгу за другой, конспектируя в тетради. Ольга Феликсовна правильно указала ей путь. Будущая профессия полностью захватила девушку. Одну часть дня она жила в госпитале, вторую проводила в медине¹. Дома, на Ближних Мельницах, почти не появлялась. Она давно уже негласно среди персонала отделения хирургии была медицинской сестрой и выполняла обязанности не как санитарка. Заведующий отделением хирургии, зная ее безудержную страсть к сложным медицинским случаям, всегда ее вызывал. Но причиной их частой работы вместе была не только любознательность девушки.

Кирилл Эдуардович был не молод, ему было намного больше тридцати лет. От напряженной работы и ненормированного дня он выглядел старше своего возраста, волосы полностью были седыми, но всегда идеально уложены на пробор. Носил усы с проседью, которые любил в минуты раздумий поглаживать. Военная форма, белый халат поверх нее, всегда быстрая походка с ровной спиной, и его невысокий рост был окружающим незаметен. В операционной стоял всегда на помосте в лучах операционных ламп, возвышаясь над остальными. Всю свою жизнь посвятил медицине, спутницу жизни так и не нашел. С началом его профессиональной карьеры хирурга он полностью переселился в свой кабинет, освободив комнату в доме на Мясоедовской, чем порадовал соседей, которые, воспользовавшись случаем, сразу же ее заняли. Все человеческое было не чуждо Кириллу Эдуардовичу, он очень хотел разделить свои мысли и переживания с близким человеком, который бы понимал его с полуслова. Все его подчиненные, весь медицинский персонал понимал его как руководителя без слов, но это другое.

– Мы с Вами, как муж и жена, – улыбаясь, часто проговаривал Кирилл Эдуардович своей самой незаменимой сотруднице, на плечах которой лежала внутренняя организация всего хирургического отделения госпиталя. – Я без Вас жизни здесь не представляю, – шутя, признавался он ей в любви. – Вы моя «боевая подруга».

– Полно Вам, Кирилл Эдуардович, чепуху молоть. – Ольга Феликсовна не любила флигельности в общении и всегда на его шутки по поводу их «семейной медицинской жизни» отвечала колко.

Такую форму общения он позволял себе лишь с Ольгой Феликсовной, которая была его «правой рукой». Все это знали и не оспаривали, несмотря на то, что она даже не была доктором. С остальными заведующий был строг, заставлял ходить по струночке. Нередко в коридорах больницы можно было услышать его хрипловатый от курения голос, дающий наставления медперсоналу. В такой работе, как у него, ошибок быть не может, поэтому порядок ценил больше всего и добивался идеальности во всем. Этаж, где располагалось его отделение, всегда блестел от чистоты, а больные знали, что если Кирилл Эдуардович сказал так делать, то это неоспоримый закон, аксиома.

И вот вдруг его начали посещать мысли о женитьбе. «Старею что ли?» – подумал он и сам себе улыбнулся. Потом понял, что переживания одиночества возникли с момента появления в госпитале молоденькой девушки. В двадцатых годах, точно и не помнит, когда его «правая рука» попросила разрешения устроить на работу дочь. Он знал, что это неродной ребенок Ольги Феликсовны, как и то, что девушка полностью заменила ей дочь. Этого было достаточно, чтобы не отказать. Не знал он тогда, что эта миниатюрная и хрупкая девушка со светлыми глазами нарушит покой его души. «Она еще совсем юная, – подумал он, когда понял причину происхождения своих мыслей о супруге. – Она может меня не принять, и я более не смогу вернуться к этому разговору или того хуже, она перестанет приходить на работу», – в свободное время его голова теперь была занята лишь такими размышлениями. С каждым днем ему было все мучительнее находиться рядом с Яниной. Пока она проявляла лишь страсть к его профессии, пленив его сердце и мысли. «Неужели на свете есть женщины, так же любящие

¹ Медин (авт.) – краткое обозначение медицинского института среди студентов.

столь сложную специфическую работу? – думал хирург. – Не каждый мужчина в силах отстоять, сосредоточившись, в операционной многие часы кряду».

Конечно, вначале, как только Янина появилась в больнице, ни о какой операционной и не шла речь. Впервые Кирилл Эдуардович увидел ее, когда в кабинет, постучавшись, вошла Ольга Феликсовна, держа за руку светленькую стеснительную девушку, голосок которой дрожал при их знакомстве. После этого заведующий отделением и забыл о ее существовании на время. Кухня, куда решили определить на работу приемную дочь Ольги Феликсовны, располагалась в отдельном корпусе, в другой стороне от хирургии.

Военный госпиталь – одно из старейших учреждений Одессы. Он всего на три года младше самого города и начал функционировать в далеком 1797 году. В XX веке он занимал территорию около десяти гектаров, поэтому Кирилл Эдуардович и не встречал Янину, пока по просьбе Ольги Феликсовны не перевел ее дочку в свое отделение на освободившуюся должность санитарки. В ее обязанности входило убирать после операций и в палатах, помогать больным. Теперь они виделись чаще. С этого все и началось, с маленьких недолгих встреч в палатах, коридоре или операционной. Внутри него что-то происходило, когда он неожиданно встречался с Яниной. Ему хотелось сразу же взять ее за руку, прижать к себе и поцеловать. Она словно магнит притягивала и не отпускала его сознание. И вот он уже думает о ней, даже когда не видит. Всегда разговорчивый по своей натуре, не знал, о чем и заговорить. В голове целый рой мыслей при встрече, а на деле поначалу молчал, лишь водя рукой по усам. А ведь именно с Яниной ему хотелось говорить без остановки обо всем.

«Седина в бороду, бес в ребро. Тоже мне, жених выискался, так и до врачебной ошибки недалеко, – корил себя Кирилл Эдуардович, уговаривая бросить затею с отношениями. – Вдруг у меня это чувство мимолетное и пройдет так же быстро, как и возникло, а я девушке голову буду морочить? Всего лишь химическая реакция организма, выплеск гормона», – успокаивал он себя. Но чувство лишь крепло, словно вирус, поражая весь организм. Теперь нарушился не только его покой, но и сон, все свободное время мысленно он был с ней.

– Она поступила, – с радостью в голосе сообщила Ольга Феликсовна в один из летних дней.

– Очень рад за Вас. Скоро штат госпиталя пополнит великолепный доктор, – ответил немного с грустью Кирилл Эдуардович.

С грустью, потому что теперь о своих чувствах говорить нельзя, а предложение, которое он намеревался сделать девушке, тем более несвоевременно. Сначала она должна закончить институт, не отвлекаясь на мирское. Решил тогда еще немного пожить в придуманном мире, будто они уже супруги. Любил наблюдать за Яниной в работе и старался, чтобы она чаще находилась рядом. Когда он ее повысил и она начала свою работу в качестве медсестры, ее глаза загорались, видя тот или иной интересный медицинский случай. Этот ее взгляд его завораживал. Янина становилась словно одержимой, не боялась, как другие женщины, крови, не испытывала отвращения в операционной, а хотела знать все больше и больше, ее было не остановить. Поэтому становиться преградой на ее пути Кирилл Эдуардович не хотел, а выбрал роль учителя, что позволило им бывать подолгу вместе дни напролет. Иногда рабочая смена одного дня переходила в следующую. Обращаясь к Янине, всегда называл ее по имени и отчеству, чем показывал равенство и паритет в отношениях, выказывал уважение. Девушке это очень льстило, но она понимала, что такое отношение заслужила лишь упорной работой. В беседе с руководителем всегда соблюдала субординацию и старалась вести беседы лишь по работе. Боялась показаться пустоголовой, как часто называла других девушек-болтушек ее приемная мама.

Когда Кирилл Эдуардович разрешил Янине первый раз присутствовать на операции, она в ответ, не поверив такому счастью, в эмоциях обняла его. Он же, от неожиданности, даже не обнял в ответ, хотя тысячу раз мечтал об этом и представлял, как это будет. Жизнь никогда не

идет по написанному сценарию. Вы можете по многу раз проигрывать сцену жизни в голове, но на деле в самой жизни все сложится иначе.

Ольга Феликсовна, видя, что Кирилл Эдуардович равнодушен к дочери, много раз заговаривала с ней на эту тему.

– Яночка, как тебе работается под руководством Кирилла Эдуардовича?

– Он превосходно все объясняет. Когда мы в операционной, мы словно одно целое. Мы отличная команда.

– Приятно это слышать, – порадовалась внутри таким словам Ольга Феликсовна.

– Он мне как отец.

– Константин может обидеться на такие слова, – улыбаясь, проговорила Ольга Феликсовна и продолжила, – наш заведующий – самый красивый мужчина в госпитале. На него засматривается весь персонал больницы. Я удивлена, почему он до сих пор холост.

– Тогда не все, – засмеялась Янина. – Не представляю его своим мужчиной, ну честно. Я вижу рядом с собой совсем другого человека.

– Мала, значит, еще. Ничего, подрастешь, мозгов наберешься, – сказала Ольга Феликсовна и обняла дочку. Больше на эту тему старалась напрямую не говорить. «Время покажет. Глупа и молода еще. Я ее наставлю на путь истинный», – думала Ольга Феликсовна. Теперь в разговоре ненароком и без навязывания старалась показать заведующего с лучшей стороны. У него-то и не было других, но напоминать об этом Янине решила как можно чаще.

– Янина Францевна, поступил мужчина средних лет с проникающим ранением в брюшную полость, колотым ранением кисти правой руки, многочисленными травмами и, возможно, повреждением внутренних органов.

В себя он пока не приходил, доставили на «скорой» в бессознательном состоянии. Заполните карту, и жду Вас в операционной. Медлить нельзя, – проговорил заведующий хирургией, выходя из кабинета. – Сегодня Вы за главную, мы так решили с Ольгой Феликсовной. Она Вам сегодня уступает больного. Переодевайтесь.

Янина зашла в операционную, где на столе лежал мужчина, подготовленный к операции. Над ним возвышался Кирилл Эдуардович в медицинской маске, держа руки в перчатках наготове, освещенный софитами и словно ведущий внутренний отсчет до старта. Вокруг медицинский персонал вел подготовку к операции. «Место поистине священное», – подумала, зайдя, Янина. И вот все на пару секунд замерло, Янина стояла напротив хирурга, по другую сторону лежащего мужчины.

– Приступаем. Случай серьезный, нужно срочно остановить кровотечение, – поступила команда главного человека в этом помещении. – Скальпель.

Глаза Янины зажглись внутренним огнем. В секунду из хрупкой девушки она превратилась в львицу, которая смотрит на бегущую лань. Кирилл Эдуардович, стоявший напротив, на секунду zalюбовался ею. «Это после, сначала необходимо спасти жизнь», – вернул себя и свои мысли в операционную хирург.

Началась их совместная работа, словно единого цельного механизма. Команды от него и четкое исполнение от нее. Металлический звук медицинского инструмента.

– Ольга Феликсовна! – Янина бежала по коридору из операционной и кричала. Лицо покраснело от волнения и напряженной долгой работы, волосы выбились из-под медицинской шапочки, операционный халат развязался, глаза светились счастьем.

– Он умирал уже, но мы, мы, мы... спасли его! Кирилл Эдуардович разрешил мне самой наложить швы. Он просто чудесный человек.

– Умница, – она погладила рукой девушку по щеке. – Не страшно было?

– Нисколько. Я бегу оформлять карту, – и Янина побежала дальше по коридору, поцеловав женщину в щеку.

«Вот и славно, – подумала Ольга Феликсовна и пошла по коридору в другом направлении, мурлыкая мелодию себе под нос. – Наконец-то Яночка одумалась».

– Я останусь с ним, – проговорила Янина, зайдя в палату, другой медсестре, дежурившей в ту ночь. – Иди, отдохни немного, я тебя позову, если что.

«Там, в операционной, я спасла его, я почти держала его сердце, – думала девушка, смотря на молодого человека, лежащего в палате. – Пока он так слаб, не могу его оставить». Она заботилась о нем больше, чем о других больных. «Наверное, это потому, что он первый мой операционный случай, в котором я принимала непосредственное участие, можно сказать, оперировала», – размышляла она о своей привязанности именно к этому больному. Когда он открыл глаза после операции и спросил, где находится, она была рядом и все ему объяснила.

– Что с Вами произошло? – спросила Янина.

– Не совсем все хорошо помню, кажется, их было трое или четверо, – безэмоционально ответил мужчина. – Вы мой доктор? – спросил он в ответ, немного с недоверием глядя на девушку в белом халате.

– Нет, я только учусь. Вас оперировал заведующий отделением, – скромно ответила она. – Совсем забыла, что не записала Ваши данные в карту, – спохватилась молоденькая медсестра. – Ваше имя?

– Терентий, – проговорил больной, слегка улыбнувшись лишь уголком рта на одну сторону, видимо, зная, как его имя действует на женский пол.

И был прав: Янина улыбнулась и сразу же покраснела. Записав дату рождения, поняла, что они ровесники.

В госпитале Терентий пролежал около трех месяцев. Больше всего пострадала правая нога. Ходил он плохо и только при помощи костылей. Все это время Янина заходила к нему в палату по поводу и без него. Все переживала: вдруг ему стало хуже, а ее рядом не было в этот момент.

Когда Янина шла по коридору с книгами в руках, а не как обычно с медицинскими картами, все больные знали, что пора идти в палату № 3. Так образовался негласный книжный клуб. Но спешила Янина лишь к одному слушателю, с которым у нее оказались одинаковые предпочтения в литературе. Ольга Феликсовна располагала большой библиотекой с хорошей и интересной подборкой различных авторов. Когда палата наполнялась слушателями, Янина раскрывала книгу, и начинался литературный вечер. Но свободного времени у нее обычно было немного, на небольшой рассказ, одну главу романа или несколько стихов, и снова пора бежать работать или учиться. И вот наступил тот день, которого Янина больше всего боялась.

– Меня выписывают завтра, – Терентий стоял перед девушкой невысокого роста в белом халате и говорил, смотря ей прямо в глаза. – Я очень благодарен Вам за свое спасение и за заботу. Другие медсестры поговаривают, что я обязан Вам жизнью, – он ненадолго замолчал.

«Мы больше не увидимся, – пронеслось у нее в голове. – Это последний день, который мы проведем вместе».

– Янина, я хочу сделать Вам предложение. Выходите за меня.

– Да, – ответила девушка, ни секунды не задумываясь. Она смотрела снизу вверх на высокого молодого человека. Не веря своему счастью, привстала на носочки, чтобы оказаться ближе к его красивому лицу. Закрыла глаза и поцеловала Терентия в губы.

И вот день, наступление которого она больше всего боялась, принес ей несказанное счастье.

– Ольга Феликсовна, мне сделали предложение, и я его приняла, – с искрящимися глазами, держа за руки приемную мать, проговорила Янина. После разговора с Терентием она поспешила поделиться радостной новостью с самым близким человеком.

– Ну, слава Богу. Надеюсь, сейчас меня никто кроме тебя не слышит? – шутливо озираясь, проговорила Ольга Феликсовна. – А то вера нынче не в почете.

– Терентий – прекрасный человек, он Вам понравится, – продолжила Янина.

Ольга Феликсовна удивленно и немного непонимающе взглянула на дочку.

– Я понимаю, что сначала нужно было спросить и посоветоваться с Вами, – начала оправдываться Янина, – но все произошло так быстро.

– Да уж быстро, но это твоя жизнь, и то, как и с кем ты ее проживешь, решать исключительно тебе самой. Прошли времена подбора пары для своих детей.

В тот день Ольга Феликсовна пришла домой рано, чего обычно с ней не случалось. Муж сразу же забеспокоился, ведь это так не похоже на его жену.

– Дорогая, ты приболела? – спросил, выйдя в коридор из комнаты.

– Со мной как раз все хорошо. Он совсем ей не пара, – сетовала Ольга Феликсовна мужу. – Костя, ты бы его видел, он такой надменный. У меня и в мыслях не было, что наша Яночка ему приглянется. Он самовлюбленный нарцисс. Недосмотрела я, не уследила, – причитала, почти плача, Ольга Феликсовна. – Кирилл Эдуардович – такой замечательный человек, так нежно ухаживал, а она выбрала первого встречного. Нет, ну он, конечно, красив, как Бог, но внутри, кажется, человек с гнильцой.

– Вот поэтому-то раньше и решали родители, за кого замуж выходить и на ком жениться, потому что малы, импульсивны и глупы дети. Мы старше, нам виднее, – спокойно и монотонно, в своей манере, проговорил муж.

– Я не могу с ней так поступить, не имею на это права. И потом, может он действительно неплохой человек, и, узнав его получше, мы изменим свое мнение.

– Тогда пусть все идет своим чередом, – высказал свое мнение по этому поводу супруг.

Янина светилась от счастья.

– Мне кажется, у меня выросли крылья. Это и есть счастье? – спросила она Ольгу Феликсовну после росписи.

– Для меня счастье – это когда я вижу тебя такой и знаю, что у тебя все хорошо, – ответила Ольга Феликсовна.

Пока Терентий находился на больничном, молодожены жили во второй комнате у приемных родителей Янины. Когда военная комиссия признала его снова пригодным к службе, вернулся в военное училище в казарму. Теперь их встречи были очень редкими, лишь в часы увольнительных. Но скучать Янина не успевала, дни летели, словно осенние листья, подхваченные ветром. В госпитале много работы, в институте сессия, свободного времени совсем не было, поэтому соскучиться по Терентию не успевала.

Прибежав с института, Янина собиралась в госпиталь и услышала, как кто-то пришел к Ольге Феликсовне.

– А кто приходил? – спросила Янина, выйдя в коридор квартиры и застегивая сумочку.

– Яночка, скажи мне, пожалуйста, а что вы с Терентием решили насчет детей? – задала странный вопрос Ольга Феликсовна, держа в руках конверт.

– Рано нам об этом думать. Я учусь, Терентий тоже. Сначала учеба.

– Понятно, – немного растягивая слово, проговорила Ольга Феликсовна.

– А почему Вы об этом спрашиваете?

– Только что приходила бывшая жена Терентия с сыном.

Янина так и замерла, услышав это. Он никогда ей об этом не говорил: ни о жене, ни о сыне. «Не говорил, значит, мне это знать не полагается, – подумала Янина. – Сейчас мы так мало времени проводим вместе, что говорить о неприятных ему вещах незачем. Захочет, сам расскажет». И никогда об этом не спросила. Она всегда чувствовала, о чем лучше с ним не говорить, какие темы не обсуждать.

Глава 7

Общежитие

Факультетский сын. Так меня называли среди студентов, я был единственным ребенком, имеющим привилегию жить в общежитии, поэтому баловали меня все.

Пока был мал, хлопот доставлял немного. Точнее, заботы были в основном со стиркой. Вначале комната, в которой жила мама и ее девять подруг, наполнилась веревками, которые были причудливо натянуты от стены к стене в хаотичном порядке. На них постоянно висели и сохли мои пеленки, чуть позже добавились ползунки.

По мере моего роста эта небольшая комната с пятью кроватями наполнялась все новыми и новыми моими атрибутами. Через несколько месяцев от рождения меня уже нельзя было оставить на кровати без присмотра. Ребята с курса придумали, как быть. Пробравшись внутрь женского общежития через комнату Зинки, смастерили для меня манеж. Они раздобыли где-то два гамака, которыми обтянули одну из кроватей, и опасность моего падения была устранена.

К годiku под кроватью вместе с корытом для стирки и моего купания красовался эмалированный голубенький горшочек с крышечкой. Его предназначение мне объясняли всем общежитием, потому что стирка и глажка, думаю, утомила всех. Теперь с появлением горшка образовался небольшой просвет в пеленках, которые вывешивали. Но забот добавилось. Я пошел и заговорил. Пол походил на минное поле. Все несли мне всё, что, по их мнению, могло бы стать игрушкой, а я радостно разбрасывал это по комнате. Ночью, после смены, добраться тихонько до своей кровати никто не мог: срабатывали мои игрушки-ловушки. Но ни одна из жительниц комнаты ни разу не возмутилась. Каждую ночь схема была одна и та же: темная комната, кто-то крадется к кровати на цыпочках, шум от падения, смех девушек, мой плач, а потом снова меня убаюкивают.

В 1933 году Анастасия закончила филологический факультет и получила назначение на работу учителя в Рашевскую среднюю школу, на западе Украины. Попрощавшись с подругами, которых также направили преподавать в другие районы страны, мама взяла меня за руку, и мы двинулись в путь.

В кабинет к директору мама зашла почти сразу, как приехала в земскую школу. Выпускаясь из института, Анастасия очень просила руководство деканата распределить ее в Херсонскую область, поближе к родным, но получила отказ, и отправили ее «куда требует Родина».

Зайдя в кабинет, подала документы об окончании института на стол директору и направление на работу. Я стоял рядом, держа ее за руку. Директор вышел из-за рабочего стола, поздоровался за руку с мамой, представился:

– Михаил Григорьевич, ваш непосредственный руководитель.

Снова присел за стол. Мама осталась стоять, присесть ей не предложили. Бегло изучив поданные документы, сказал:

– Рад, что в нашем коллективе появился новый молодой преподаватель. Но есть небольшая проблема, как я вижу, – и он посмотрел на меня, – но я сразу же напишу прошение в детскую колонию. Согласно Указу правительства, Вы как преподаватель и агитационный работник будете круглосуточно находиться в школе и должны полностью отдаться работе, а он, – директор рукой показал на меня, – будет отвлекать. Поэтому я Вам даю несколько часов разложить вещи и организую, чтобы Вас с сыном сопровождали в колонию. Это недалеко, пятьдесят километров от села, на выходных сможете навещать.

Мама молчала, не возразила, потому что время такое было. Никто не мог возразить, если так решено правительством. Кто перечил власти, оказывался в северных лагерях, или без суда расстреливали. Она даже заплакать в присутствии директора побоялась. Только в момент,

когда руководитель школы произнес слово «колония», она сильно сжала мою руку, наверное, в тот самый момент так же сильно сжалось ее сердце. Мне сделалось немного неприятно, но я остался стоять смирно, как меня учила мама.

Учителя жили прямо в школах, в классах. Но не это оказалось самым страшным препятствием. Правительство приняло решение, что преподаватели – это лучшие агитаторы власти. Они образованы, начитаны, грамотны. Народ сильно сопротивлялся коллективизации. Поэтому на обязательных для всех в городах и селах вечерних занятиях, где учениками было взрослое население, преподаватели вели пропаганду правительственной программы. Для работников школы ввели казарменное положение без возможности отлучаться из зданий школ, за исключением выходного дня и лишь по письменному разрешению директора. Для тех учителей, которые имели ребенка, был приказ: «Забрать! И в колонию на обучение». Сложно себе сейчас представить, чем руководствовались люди, управлявшие страной. По их мнению, меня лучше воспитают в колонии, нежели родная мать-педагог. И я же был не единственным таким ребенком. По всей стране множество сирот, чему поспособствовал голод и разруха. Но больше всего сирот было искусственно созданных, потому что лагеря наполнялись репрессированными заключенными. К этому списку еще добавили и детей учителей.

О чем говорили взрослые я, конечно, не понял, мал совсем был. Не понял также, почему мамыны глаза начали темнеть, как в моменты, когда ей становилось грустно.

– Вы единственный преподаватель с высшим образованием в нашей школе. Дети нуждаются в хорошем педагоге, – проговорил директор, когда мы выходили из кабинета, тем самым стараясь ее приободрить, затронув тему обучения.

Вот так странно – дети нуждались в моей маме, а я ее потерял. Они проводили с ней так много времени, как же я им потом завидовал! Я жил с чужими воспитателями, а она учила чужих детей. Но мама любила свою работу, которая ее отвлекала от боли и тоски по родному ребенку. Всегда надеялась, что где-то там, в нескольких десятках километров, есть учитель, который так же учит меня.

Что происходит, не осознавал, и, увидев повозку и лошадь во дворе школы, обрадовался еще одному приключению с мамой. Как же я ошибался! Я расстался с единственным близким и дорогим мне человеком.

Глава 8

Савёнок

Мысль о том, что ты одинок в этом мире, ребенок воспринимает совсем по-другому, не так, как взрослый человек. Только спустя годы и смотря назад в прошлое, понимаешь, как ты был одинок и никому не нужен. Но только не в возрасте неполных пяти лет. Твои глаза в этом возрасте широко смотрят на мир, и доверие к нему не исчезает. Ты шагаешь смело и уверенно по жизни, будучи таким, по мнению взрослых, беззащитным. Но ведь они не знают, что если ты голоден, то вполне можно сбежать на базар, где сочувствующие люди подадут, сжалившись, потому что вид твой всегда, мягко говоря, неопрятен, лицо замурзано, глаза просящие. И в твои годы тебе это совсем не помеха, а даже помощь в добывании пищи. Кроме того, давно уже умеешь стащить у зазевавшихся продавцов, что повкуснее. Например, конфеты. О, это моя слабость из слабостей. Ни одна колбаса не сравнится с этими дорогими сердцу сладостями в ярких обертках! Конечно, не всегда все удавалось гладко, и страдало или ухо, или то, на чем потом долгое время не очень комфортно сидеть, но это того обычно стоило. Ведь ты в данное время ничей, ты интернатовский подкидыш. Так обычно нас называли продавцы вдогонку, когда мы удирали, держа в руках кусочек колбасы, яблоки за пазухой или что другое. Но мы в этом своем положении видели и прелесть. Так бы повели к родителям, стыдили, вычитывали, при этом держа за ухо. А ты этого избегаешь, если случилось, что поймали и узнают, что твой дом колония, понимают – тебя не к кому вести, некому говорить о твоих проступках. Пара затрещин, накрученное ухо, и снова свобода.

Нас таких в те годы было много. Мои первые, более четкие, воспоминания детства связаны с колонией, когда мне было неполных пять лет. Она немного отличалась от колонии, которую Вы себе сразу представили, но уклад и быт имела, все же соответствуя названию.

В довоенное время оказалось большое количество детей, родители которых были репрессированы. Поэтому создали детские колонии, куда свозили детей разного возраста – от трех лет до шестнадцати – из разных уголков страны. Отдельно создали мужские и женские детские колонии. Немного позже их переименовали в интернаты, но это были далеко не детские дома или приюты для детей, оставшихся без родителей. Для меня в памяти это самая настоящая колония, название изначально было подобрано правильно. По периметру натянута колючая проволока в десяток рядов от столба к столбу, при въезде круглосуточная охрана, разве что без оружия, и отсутствовали смотровые вышки с часовыми, но это не отменяло внутренний уклад и то, куда я попал.

На территории колонии располагались бараки, в которых размещали по двести детей в зависимости от возраста. Еще был отдельный барак под столовую и хозяйственные нужды, итого пятнадцать строений. Каждый барак делился на шесть групп, в каждой из которых работало два воспитателя, исключительно мужчины. Как и положено в режимном учреждении, все делали по часам и под присмотром воспитателей, но это никоим образом не мешало внутри колонии устроить свой мир и установить свои правила. Так, на завтрак, обед и ужин в столовой давалась пайка хлеба. Нас строем по два человека приводили в столовую на свое время воспитатели, и мы усаживались за стол, рассчитанный на тридцать человек – по пятнадцать с каждой стороны – на длинные деревянные лавки.

На завтрак, обед и ужин выдавали пайку хлеба весом примерно сто пятьдесят грамм. Цвет и вкус был так себе. Но мы всегда были голодными, и поэтому для нас этот небольшой, темного цвета кусочек хлеба из ржаной и кукурузной муки был самым вкусным. Мы другого никогда и не ели. Пайку хлеба, что давали на завтрак, можно было съесть, так же, как и вечернюю, выдаваемую на ужин, но только не обеденную. Ее необходимо было искусно спрятать

в карман и отдать дежурившему в этот день старшему. Уплатить оброк пацану лет четырнадцати, которого на этот день назначил главарь местной банды сборщиком налога с остальных. За это обычно давали одобрительную затрещину: «Мол, молодец!» Вот если ты этого не делаешь, не отдашь незаметно небольшой кусочек хлеба, на выходе из столовой, на площадке за бараками, в обеденное свободное время тебя поколотят сильнее. Но, даже зная, что за неповиновение могут побить, я не мог смириться с несправедливостью. В знак протеста я ее, так сказать, подравнивал. Со всех сторон общипаю, помню в руках крошечки – и в рот, хоть как-то утолив голод.

– Чё общипанная такая? – грозно спросил приемщик дани.

– В кармане обсыпался хлеб, – как всегда, не трусая, отвечал я.

Попал я в это место совсем еще маленьким ребенком, мне было всего три года. Вот я помню себя обрывками воспоминаний рядом с мамой и множеством приятных мне людей, и вот я уже сам в холодном месте, в огромном помещении, и рядом множество таких же маленьких мальчишек, как я. До пяти лет младшую группу колонии, в которую я поначалу попал, совсем не совмещали с другими группами ни в столовой, ни на прогулках. Берегли, видимо, нашу психику, или просто я не очень помню это время, наверное, потому, что ничего особенного не происходило. Но с пяти лет, когда меня перевели в следующую возрастную группу, начались мои приключения. Не уверен, конечно, что они захватывающие от обилия положительных эмоций, но то, что запоминающиеся на всю жизнь – это да.

В течение недели воспитателей было много, и все ребята ждали заветного воскресенья. Надзор слабее, свободного времени для игр больше – настоящий выходной. На один барак остается лишь один воспитатель, который разрешал на улице быть подольше, играть в футбол хоть до потери пульса, обычно весь день, занимаясь своими делами. Не замечал он разборок между ребятами во дворе и что из двухсот воспитанников, совсем уж не смиренно сидящих, десятка-то и не хватает. Но покидать территорию колонии могли далеко не все воспитанники, а лишь избранные и состоящие в рядах банды.

В один из дней после обеда на спортивной площадке ко мне подошли старшие ребята из колонии. Их все побаивались, они обычно ходили по несколько человек, часто подходили ко всем и раздавали затрещины или подзатыльники, пока воспитатели отвлекались. Что нравилось у ребят, они отбирали, и никто не мог пожаловаться, никто им не перечил. Все знали – эта особая группа называла себя бандой, и это они устанавливали внутренние правила, которым следовали все остальные. Они были старше и сильнее и любили это демонстрировать на младших. Такая демонстрация силы мне была не очень по душе, ведь как может парнишка лет девяти противостоять нескольким четырнадцатилетним, уже сформировавшимся бугаям. Банда состояла примерно из двадцати ребят из разных групп, в основном старших, поэтому я очень удивлялся: ну зачем им у нас, мелкотни, как они нас называли – «крысят» – забирать наши детские игрушки, им всем больше тринадцати лет. Зачем им наши фантики от конфет, которыми мы играли или менялись, зачем наши палки, которые мы представляли автоматами или пистолетами. Придут на площадку в наше время прогулки, отберут игрушки у некоторых, другим поломают, поплюют вокруг, ногами важно пошаркают, держа руки всегда в карманах при этом, сделают нам пару подножек, выпишут некоторым пару затрещин, пока воспитатели не видят и при слове: «Шухер! Воспитатель!» – быстро убегут, словно и не было их.

Но в этот день воспитатель нашей группы отошел надольше. Его вызвали к руководству, и бригадные не упустили возможность дольше поиздеваться над нами. Обычно воспитатели отходили перекурить, по правилам это строжайше запрещалось, но они его частенько нарушали. В эти как раз минуты мы оставались сами, и нас навещали мучители.

– Как зовут, малой? – спросил меня, видимо, самый главный среди пришедших старших ребят.

– Савва, – ответил я довольно громко, как мне показалось. Тогда и не понял, от страха это так получилось или не хотел уступать им ни в чем.

– Я здесь главный для пацанов, это мне вы, молокососы, пайки отдаете, и я ими распоряжаюсь. Зовут меня все мои Ленька, – сказав это, он важно сплюнул через плечо на землю. Старшие мальчишки вообще все время плевали, признак значимости, видимо.

– Ну и че? – снова сказал я дерзко и чуть сам себе рот руками не закрыл от страха, что такое вырвалось: таким тоном, да еще и главарю их шайки.

– Ишь, какой смелый малой! – сказал Ленька, обернувшись к остальным, – не ссыкун, как все остальные. Нашим будешь. Мне как раз такой, как ты, нужен на дело. А ну, покажи руки.

Я протянул обе руки, еще удивился, что не дрожали, хотя внутри все трепыхало. Главварь многозначительно на них посмотрел и сказал:

– Годится, в воскресенье пойдешь с нами на дело. Только никому не говори, – он вел меня уже по-дружески к своим, стоящим неподалеку у барака пацанам, держа за плечо, будто мы хорошие приятели. – Щас познакомлю с нашими. – Я им всем по пояс был, но стоял, положив руки в карманы брюк, как они. Сам же от страха готов дать стрекача, но стою, важничаю. Ленька начал знакомить.

– Это Косой, он у нас на шухере обычно стоит. Это Карась, это Гусь.

Остальных я и не запомнил сразу. Эти сразу запомнились, потому что у Карася глаза были немного на выкате, как у рыбы, а Гусь так смеялся, словно гусь гогочет. Видимо, поэтому клички такие и дали. А Косой косил одним глазом. Я еще тогда усмехнулся про себя: «Тоже мне, на шухер определили того, кто в разные стороны смотрит», – но потом убедился, что он лучше и быстрее всех сообщал об опасности. – А ты будешь Савёнок! Так из Саввы на время я превратился в Савёнка.

Глава 9

Воскресенья

Я прошел первый свой жизненный экзамен там, на площадке, не уступив Леньке, не струсил и не убежал. Думаю, и в драку бы полез, не посмотрев, что он намного старше и что главарь местной шайки, что я в будущем и делал частенько, стоило кому-то меня затронуть. Я получил свою роль в этом царстве одиноких не по своей воле, брошенных жизнью детей.

Наступило воскресенье и, выйдя на площадку, увидел, как меня поманил пальцем Гусь. Когда воспитатель отлучился на перекур, я ускользнул к другим баракам, где меня уже поджидали все остальные.

– Все в сборе? – спросил Ленька, осматривая нас. – Вроде все. Ну, пошли.

И мы начали пробираться небольшими перебежками от стены одного барака к стене другого, пригибаясь у небольших окон, чтобы нас не заметили. Я среди них самый маленький был, еле поспевал, но держался рядом, не отставая. При слове «шухер» от Косого все молниеносно залезали под барак, который стоял на больших деревянных опорах. Это у меня получалось лучше всех.

– Крысенок, молодцом! – проговорил Ленька, когда мы прошли почти все бараки.

– Я Савва, – поправил его я, громко и четко проговаривая буквы своего имени. Прозвище «крысенок» мне совсем не нравилось.

– Савёнок, не бузи. Ты действительно уже не как все, но и кто здесь старшой, не забывай, – сказал главарь, отвесив мне несильную затрещину.

В драку я тогда не полез, потому что, во-первых, он назвал меня кличкой, которая мне с первого раза понравилась и походила от моего имени, а, во-вторых, уж очень хотелось попасть за колючую проволоку, на свободу, а это могло произойти, только если я смирюсь и подчинюсь Леньке.

Все, что нужно преодолеть, – это колючую проволоку, и ты свободен.

Последний барак был отведен под хозяйственные нужды, по выходным дням из прачечной с самого раннего утра вывешивали стирку. Большое количество рядов натянутой проволоки, на которой развешивались простыни, полотенца и наша форма. Простыни развешивались на ветру, словно большие паруса галер. Я всегда был фантазером и сразу же представил себя пиратом, который на своем корабле движется на abordаж. Старшие ребята, забыв о своем возрасте и конспирации, гоняли со мной сквозь простыни. Мы уже были на хорошем удалении от основных корпусов, на самом заднем дворе колонии, поэтому нас никто не видел и не слышал. В другое воскресенье я представил себя шпионом, который должен пройти так, чтобы меня не коснулась ни одна простынь, иначе проиграл. И снова старшие подхватили мою игру. Моя детская фантазия безгранично выдавала все новые и новые идеи.

В момент игр детство проходит одинаково весело у всех детей. Они, наверное, от природы наделены качеством легко забывать на какое-то время беды и горе, воспринимая их по-другому. Все плохое, что нас окружало, находилось где-то там, за линией горизонта. Где-то там моя мама. Ко мне она приезжала совсем не часто, примерно раз в месяц, и эти дни я ждал с нетерпением и отпускать ее не хотел, когда приходило время снова расставаться. Но на следующий день я уже снова несся с другими ребятами по территории колонии, играя в лапту или казаков-разбойников. И ни у одного из нас в эти мгновения не было грусти в глазах. Они светились радостью.

В первое мое свободное воскресенье, набегавшись в «парусах», мы вышли к месту, которое было скрыто от глаз охранников, стоящих на въезде в колонию, совсем с другой стороны. А благодаря все тем же рядам стирки совсем не было видно, что мы делали на заднем дворе.

Увидев через колючую проволоку бескрайние поля, я от радости аж начал топтаться на месте в предвкушении приключения.

– Постой, Савёнок, не торопись, сейчас выпустим тебя на свободу, – и снова я получил одобрительный дружеский подзатыльник от Леньки. Потирая затылок, смотрел, что нужно делать.

– Рогатки, – скомандовал Ленька. Ему протянули две рогатки, это оружие имелось у большинства. Как видишь, что у кого-то спадают штаны, знай, резинка пошла на рогатку. Только вот стрелять из нее не совсем удобно, держа свои штаны одной рукой. Но после смены белья каждый мечтал, что ему попадется комплект, где в штанах будет заветная резинка.

– Палка, – главарю протянули прочную длинную палку. Он привязал к ней с каждого конца по рогатке. Этим изобретением и раздвигали натянутую колючую проволоку и беспроblemно, а главное – оперативно пролезали. Если перерезать проволоку, то лаз заметят охранники, обходящие вечерами периметр. Когда все были уже на другой стороне, рогатину обязательно с собой забирали, и по дороге в роще прятали под кустом, после же вернуться нужно тем же способом.

– Айда на базар! – Ленька побежал по склону, а мы гурьбой за ним, вдыхая запах свободы всей грудью. Ветер свистел у меня в ушах, я, кажется, не бежал, а кубарем скатывался с каждого последующего пригорка, несколько раз теряя по дороге ботинки на несколько размеров больше, чем моя нога.

Село и базар находились совсем не далеко от колонии. Завидев небольшие домики, мы перешли на шаг. Проходя селом, наш главарь здоровался со многими, многие его приветствовали в ответ. Он был здесь словно свой. Я любопытно смотрел по сторонам, крутя головой.

– Не крутись, щас тебе все расскажу, что нужно делать. Косой и Савёнок со мной, остальные здесь, как обычно, все осмотрите, – Ленька повел нас на базар, а остальные разбежались по селу.

– Значит, так, – Ленька начал меня учить, когда мы стояли на базаре, немного поодаль от рядов. Косой изучающе всех осматривал и приветливо улыбался. – Ест тот, кто работает. А в банде тот остается, кто докажет свою преданность и добудет еду. Все усёк?

Я кивнул, хотя все мое существо сопротивлялось природе неправильного. Но в животе заурчало, и я подчинился приказу Леньки идти и доказать, что я достоин быть в банде. Экзамен простой – украсть колбасу, и мои руки как раз подходили для этого: они были намного меньше, чем у всех остальных. Набеги банды на колбасу были частыми, поэтому торговец для безопасности соорудил витрину, где со стороны покупателя только стекло и небольшие щели. Люди видели весь выбор его колбас, а он спокойно мог их обслуживать, не боясь, что шантрапа, вроде нас, стянет у него еще пару колечек заветной колбасы.

Я подошел к витрине. Столько колбасы в жизни своей еще не видел. Мне казалось, колбаса говорила со мной, ее аромат щекотал мой нос, казалось, я ее уже ел, просто нюхая. Покупателей было много, и меня совсем не было видно. Руки у меня, в неполные пять лет, действительно были худые и могли попасть к заветной колбасе, но ведь обратно нужно было руку не пустую сквозь тонкую щель вытянуть, а с толстенной колбасой. Этого, видимо, главарь, не блиставший умом, не учел. Когда стоял у прилавка, я это сразу понял и хотел было вернуться к Леньке и Косому, но, обернувшись, увидел кулак. Ленька – главарь, его приказы не обсуждаются, а я новенький, да еще и самый маленький по возрасту среди них, поэтому перечить не стал.

Я стоял, застыв перед стеклом, от моего дыхания оно запотевало. Стоял и дышал на стекло я очень долго. Продавец, заметив меня, даже предлагал несколько раз небольшие кусочки аппетитнейшей колбасы, несмотря на то, что у него были свои счета с подкидышами и рванью, как он нас называл. Но мой возраст, худоба и весь мой внешний вид, видимо, вызвал

у него жалость. От угощения отказался, лишь помотав головой, боясь, что следивший за мной главарь накажет за то, что свое брюхо набил, а об остальных не подумал.

Потом, не раз бегая в село, я заметил, что равнодушных женщин, проходящих мимо меня, обычно нет. Виной тому, наверное, были мои глаза. Женщины присаживались передо мной, долго и пристально в них смотря, говорили: «Какие же они голубые!» А потом обычно следовал вопрос: «А где твоя мама, малыш?» После этого вопроса я удирал: поди, заберут еще к себе. Некоторые так и предлагали. Но у меня уже есть мама, она далеко, и я редко ее вижу, но она у меня одна, и никакая там тетка ее не заменит.

И потом, жизнь в банде не такая уж и плохая оказалась поначалу. Я понял, что такое свобода, о которой говорили все, кто покидал колонию в выходные. Если бы еще воровать не заставляли и не мотивировали постоянно затрещинами – вообще красота. Я же теперь в банде, куда хочу – хожу, что хочу – делаю, ну почти. В селе я видел детей, и им постоянно что-то кричали родители, в основном это было: «Туда не ходи, сделай то, сделай это», – и тоже давали затрещины. Себя я чувствовал более свободным: Ленька не мамка мне, ему и перечил позже, и убегал, не делая то, что приказывал главарь. Правда, потом получал, но к этому привык понемногу. Демонстрируя свое превосходство перед местными детьми, мы обычно гордо шли улицами села, важно пошаркивая ногами, руки в карманы, в зубах тростинка, а они, в своих дворах помогая по хозяйству, с завистью на нас смотрели. Конечно, задирали их, но в драку сильную не лезли, ограничиваясь перебранкой. Ленька понимал, что городской наши вылазки может прекратить, начни мы сильно докучать местным селянам. Городовой, видя нас, понимал, что мы сбегает из колонии, но не старался нас поймать. Во-первых, попробуй, излови нас: мы словно мыши, быстрые и юркие, а во-вторых, жалел нас, наверное.хлопот ему доставляли немного. Кроме мелкой кражи еды ничем не промышляли. Кошельки не трогали, деньги нас не интересовали. Что хотели поесть – изощрались и так заполучить, без денег. А за воровство кошелька городской сразу бы среагировал, и больше мы бы не смогли появляться там. А так мы сосуществовали на базаре в выходные дни в своей цепи питания: беспризорники – торговцы – городской.

Внутри что-то скулило как щенок, только когда я видел, как женщина ласково обнимала своего ребенка, трепала по волосам или нежно целовала в щеку. Перед глазами сразу же всплывало лицо матери, в ушах звучал ее нежный голос и то, как она меня треплет по голове, а я смеюсь в ответ. После этого я убегал, и меня уже до вечера никто не видел: не мог я после этих воспоминаний идти воровать. Я эти мысли пытался отогнать, телячьи нежности не для мужчин, но слезы подступали, и чтобы этого никто не увидел в банде, я исчезал.

Итак, вернемся к моему дебюту. Витрина уже наполовину запотела, а я стою и неотрывно смотрю и гипнотизирую кольцо колбасы словно кобру, чтобы она каким-то образом сама выползла через щель.

– Чего тебе, малой? Немой, что ли? – продавец снова водит колбасой у меня перед носом, предлагая взять кусочек и называя совсем не как Леньку и Косого. Завидев их в толпе, тут же закричал. – Я сейчас городского покличу! А ну, пошли отсюда, голодранцы!

Я обернуться даже боюсь, посмотреть на Леньку, может все-таки можно взять кусочек из рук продавца. От ее запаха рот наполнился слюной, живот своим урчанием заглушал мысли. Голос Леньки стучал в висках: «Не сделаешь этого – это твоя последняя вылазка на базар!» Я решился, рука потянулась к заветной колбасе сквозь щель, я обернулся на своих, показав видом, что не струсил: попробуйте только не взять снова на базар или вечером не дать дополнительную пайку хлеба из общака. Но как только моя рука, свободно пролезшая в щель витрины, ухватила за колбасу, а выбрал я почему-то самую большую, продавец посмотрел на меня. У меня слезы из глаз не по моей воле сразу же брызнули, но колбасу держу, не отпускаю. Продавец глядит на меня своими сердитыми глазами, ничего не говорит, лишь усы шевелятся оттого, что он покусывает губы. Такой наглости он просто не ожидал. А я плачу, но колбасу

не отпускаю. Ведь ничего сложного – отпусти колбасу и беги, пока торговец выйдет из-за прилавка, твой след уже простынет. Но тело не слушалось, все оцепенело, колбасу так сжал, что аж рука посинела. Мои соглядатаи сразу дали стрекача, а я так и остался стоять пленником колбасы. Озлобленный торговец, наверное, сильно поколотил бы меня, но я так горько плакал и совсем не оттого, как они все, взрослые, подумали, не от голода, а от стыда. Позже чувство стыда притупилось и не показывалось, но в тот самый первый момент вид у меня был, наверное, уж очень жалостливый. Вокруг меня все столпились, и продавец свой приговор не осуществил, и даже за ухо не дернул. Пока он обходил прилавков, меня обступили другие люди, которые говорили:

– Он же просто сильно голоден! Не плачь, малой!

Одна из жалостливых женщин в красивом платье сунула мне в руки бумажный пакет и шепнула на ухо:

«Беги!», а сама в слезах побежала прочь. «Ей-то чего плакать?» – думал я, пробегая село. Красиво одета, деньги на колбасу есть, что еще нужно? Ее пакет я взял, мои сторожа все равно убежали и не видели, что же было дальше, и некому подтвердить, что не украл.

– Да, поймали, но пока все вокруг меня стояли, я стащил у зеваки пакет и убежал, – рассказывал я свою выдуманную историю всем, когда встретил.

Вот и врать научился потихоньку. Я размышлял: если это необходимо для выживания, можно немного и рассказать небылиц, приукрасить то, что было на самом деле.

А есть хотелось все время. «Наверное, все потому, что я расту быстро», – тогда думал я.

В пакете оказалось небольшое колечко колбасы, хватило всем по кусочку. Мне, за то, что не струсил, Ленька отломил самый большой кусок, ну и, конечно, одобрителный подзатыльник. А то, что я рыдал, как девчонка, со спины им видно не было. Главарь согласился со мной, что так уже колбасу не стянем, да и щель, куда я руку просовывал, торговец закрыл фанерой.

Вернувшись в колонию и проучившись еще неделю, я понял, что у меня кроме моих глаз, за которые мне просто так дали колбасу, есть еще один, до этого неизвестный, талант. Я очень мелодично пел. Преподаватель похвалил на уроке и задал выучить песню. Слова и мотив ее были очень жалостливые, в сочетании с моим тоненьким голоском получалось недурно. «То, что нужно!» – подумал я. Этим и воспользуюсь в следующий раз на базаре. Испытания таланта прошли более чем успешно. Я принес полную пазуху фруктов и несколько кусочков колбасы.

– Я в тебе не сомневался, малой! – Ленька отвесил сначала легкую затрещину, после обнял по-братски за плечи.

Преподаватель по пению удивлялся: только задает песню выучить, а я уже следующую прошу.

– Это мой самый лучший ученик! – говорил он воспитателям нашей группы, которые периодически интересовались у учителей нашими успехами по разным предметам. Если бы они видели меня на базаре...

Сначала я понял, что не ко всем подходит этот метод. Мужчины – те вообще сразу могут не просто прогнать, а с ускорением по мягкому месту. А вот женщины! То совсем другое дело. Стою, присматриваюсь, кто новенький приехал на базар, также какая из хозяек покрупнее в теле, ну и третий признак – у кого из них глаза грустные. К той иду, иногда прихрамывая, или руку держу, как будто, повредил и очень сильно болит. И жалостливым своим голосочком начинаю исполнять свой репертуар. Пел чаще всего украинские песни: они такие мелодичные и за душу берут. К тому же учитель по пению отмечал, что голос у меня недурен. Позднее и четвертый признак добавился – кому какую песню исполнять. В конце, когда глаза хозяйшки становятся блестящими от слез, когда руки к фартуку тянутся, чтобы утереть влажное от слез лицо, я еще жалостливее добавляю:

– Тетенька, я есть очень хочу! Хотите я еще Вам спою, – они-то и сказать обычно в этот момент ничего не могут. Только руками машут, глаза вытирают, потом Бога обычно вспоминают. А я не останавливаюсь, чуть тише добавляю:

– Там еще меня ждут поменьше сестрички и братик. Все взрослые в голод померли, а мы сами остались.

После одного такого выступления можно было идти к остальным на пригорок возле села в условленное наше место, куда каждый приносил, что добыл в селе. Я всегда раньше всех приходил, и у меня была полная пазуха еды. О многом думал, пока всех ждал. В основном о том, почему же мы все оказались в колонии и почему я не могу поехать с мамой. Думал о Боге, о котором часто на базаре вспоминали почему-то шепотом и за помощью к нему обращались, просили спасти и сохранить. «Что это за Бог такой? Все его вспоминают, когда плохо или беда какая у кого. А он никак не помогает». Считал так: если кому нужно помочь и просят тебя, бери и помогай! Поэтому долгое время я в него не верил.

Мой театральный талант старшие в банде ценили и всегда брали на базар. Чуть подрос и понял: не мое это – попрошайничать и до слез доводить хозяюшек на базаре. Поэтому начал по воскресеньям прятаться в клубе и читать, если это не день посещений.

Навещать меня маме разрешалось раз в месяц. Свидания проходили в маленькой комнате на пропускном пункте в колонию. Эти пару часов так стремительно пролетали! Мама так плакала! Ее голубые глаза от этого становились подобными ненастному небу: яркость и синева уходила, и они темнели. Обняв меня, подолгу не отпускала. У меня даже успевало затечь плечо или рука, но я не старался выбраться из этих приятных объятий. Пусть хоть отвалятся руки, я готов был так стоять часами, лишь бы она не уходила. Потом, утирая слезы, расспрашивала меня обо всем. Что ел? Что учу? Где гуляю? Не холодно ли, не жарко? Вопросов было намного больше, чем ответов. Она, не дожидаясь, что я расскажу, задавала следующий вопрос. Спешила все узнать за отведенное время и запомнить каждую секунду встречи, как и я. Но что же я мог рассказать маме, которая, все время приезжая ко мне, плакала от безысходности ситуации? Разве мог поведать, что попрошайничая в селе и на базаре, что обманываю людей, чтобы поесть, что ворую по той же причине, что в день получаю столько затрещин и подножек, что к вечеру все тело болит, и места на нем нет без синяка или ссадины. Я всего этого рассказать ей не мог, не мог позволить ей плакать сильнее. Да и не хотел: что я – девчонка какая, жаловаться?! Я вырасту, и старшие уже не смогут дать мне подзатыльник – я тоже буду взрослым. Но еще тогда решил, что малышей трогать никогда не буду и другим не позволю. Неправильно это – силу показывать на том, кто слабее тебя.

Сочинял я маме истории своей жизни, веселые и неправдивые. Они звучали так, как я бы хотел, чтобы было. Проверить их подлинность она не могла – дальше проходной посетителей никогда не пускали. Однажды она пыталась попасть к директору колонии, увидев на моей спине огромный синяк. Но ей предложили написать прошение, которое будет рассмотрено, то есть культурно объяснили, что проблем в такой ситуации с синяками совсем не видят. Истории мои всегда были смешными, я очень старался, чтобы мама не плакала, а смеялась. Я так любил, когда она мне мило улыбалась, когда появлялись складочки вокруг ее добрых глаз и уголки рта поднимались вверх. Для этого я читать выучился первым среди малышей. В клуб, где находилась небольшая библиотека, бегал и книжки читал, пока другие пацаны гоняли во дворе на площадке с мячом. Играть в футбол я очень любил, но это было важнее. Да и старшие ребята в библиотеку носа не показывали, не любили они это место и обходили десятой дорогой, как проклятое, а я любил. Тихо, интересно и историй уйма. Вот их я маме и выдавал за свои на наших встречах. А пока читать не умел, просил воспитателей, чтобы больше сказок читали. Все говорил: «Еще! Еще!» Они меня любознательным все называли. Не знали же они, что мне для дела это очень нужно.

В колонии один из воспитателей совсем не такой был, как все. На ночь оставалось обычно два или три учителя по расписанию дежурств. Все остальные приходили утром и уходили около восьми вечера. Этот же учитель приходил каждый раз с полным портфелем книг. Оставлять их было нельзя, потому что многие из учеников рассматривали книгу как врага или конструктор. Я книги любил, в отличие от остальных ребят. Они же, увидав печатное издание без присмотра, сразу находили ему несвойственное применение. Картинки вырезались, а из листов с текстами делали кораблики, самолетчики или хлопушки.

С таким варварством я боролся свойственным колонии методом – дрался. Ну, конечно же, не говорил при этом, что из-за порванной книги, а то бы засмеяли. Книги старался защищать, как и малышей, просто не объясняя, почему полез в драку.

Библиотеку тоже оберегали, как могли. А что с нас взять? Более тысячи мальчишек со своей сложившейся иерархией в замкнутом пространстве.

Учителя звали Степан Васильевич, и в его руках оживала любая книга. Думаю, он тоже повлиял на мою любовь к чтению. На своих уроках, рассказывая или зачитывая отрывки из книг, он превращался в актера, а мы переносились в те времена или переживали те события, о которых он нам читал. Очень часто Степан Васильевич раздавал нам роли, и мы разыгрывали сценки из книг. Его любили даже самые заядлые нарушители дисциплины и ждали урок этого немолодого человека в очках, подклеенных на переносице, с потрепанным портфелем. Для меня он был сказочником из своих книг.

Истории, рассказанные Степаном Васильевичем, на встречах с мамой тоже шли в ход. Учитель всегда отмечал именно мое актерское мастерство среди прочих ребят, говоря, что очень недурно понимаю переживания героев.

И вот пролетают последние минуты свидания. Снова долгие объятия и поцелуи в щеки, но теперь уже на прощание. Еще несколько дней после встречи ощущал на своих щеках аромат ее духов. Он становился с каждым днем все менее уловимым, я не мог его удержать, так же, как не мог быть с мамой. Однажды по дороге в село я почувствовал мамины духи. Словно охотничья собака, напавшая на след куропатки, я начал искать, откуда он доносился. Теплый ветер в лицо, и я отчетливее его почувствовал, на мгновение закрыв глаза, мне показалось, что мама меня погладила по щеке.

– Савёнок, что с тобой? – спросил Ленька.

– Что это пахнет? – снова потянув воздух носом, спросил я.

– А тебе-то что?

– Что, ответить тяжело? – раздраженно спросил я.

Ленька тоже стал возле меня и вдохнул носом воздух несколько раз.

– А, это лаванда.

– Покажи, покажи, – нетерпеливо заскулил я.

– Странный ты. Вот она, – и он сорвал тоненькую веточку с маленькими сиреневыми цветочками на конце.

Я схватил эту веточку и начал нюхать, отвернувшись от всех и закрыв глаза, потому что не смог сдержать слезы. Корчил из себя взрослого, а по сути, был еще маленьким ребенком.

– Если цветы потереть, будет пахнуть сильнее и дольше, – сказал Ленька, видя, что я расстроен, но не понимал совсем, почему.

Я ничего не ответил. Лишь нарвал полные руки и карманы этих маленьких веточек. Теперь частица мамы всегда была со мной.

Невозможно представить, что чувствовала мама, проживая каждый день все эти годы вдали от меня. Каждый день она проводила все свое время в кругу детей, учила и наставляла их, а ее родная душа, ее сын, где-то там, в жутких условиях, совсем с чужими людьми, которые вряд ли смогут хоть немного заменить ее.

Больше всего ее терзало осознание того факта, что она так рьяно хотела и стремилась стать учителем, так боролась за место в педагогическом институте на этапе поступления, и что именно в момент достижения мечты ее постигла жуткая участь расставания с ребенком. Эти мысли не давали ей спать по ночам. Закрыв глаза, она видела Савву, она видела его в каждом ребенке на уроке. А потом эти недолгие встречи с сыном, от которых потом всю ночь плачешь, не поднимая голову от подушки.

На каждое наше свидание она приносила немного конфет, чтобы побаловать меня. Знала, что их люблю больше всего, но я всегда скромно съедал только одну, а остальные клал в карманы брюк. «Наверное, растягивает удовольствие, хочет по одной каждый день съедать», – думала она, не подозревая истинную причину такого моего поведения.

Старшие в колонии больше всего любили дежурить по выходным на проходной, в комнате свиданий. В теплое время года с вылазкой в село никакая проходная, конечно, не сравнится. Но наступали холода, и поживиться можно было лишь после свиданий с родственниками, которые приносили гостинцы. Все в группах знали, что есть принесенное в комнате свиданий нельзя, за этим следили дежурные. Стоило свиданию закончиться, как твои карманы выворачивали и забирали пакет, затем пинки, затрещины – все по обыденному сценарию. Не знали взрослые посетители, что ничего из принесенных угощений их сыну, племяннику или внуку не достанется, все забирали старшие.

Суровая правда жизни: кто сильнее, тот и прав. Поэтому, как подросток и ощутил в себе силу давать отпор, больше не позволял давать себе затрещины. Конечно, первые схватки я проиграл, но спуску не давал никому. Стоило только кому-то попробовать поставить мне подножку, я реагировал молниеносно, кидался в драку с кулаками, не задумываясь. Спустя время, заметил, что со мной не хотят связываться старшие, и телесных наказаний поубавилось. Лишь Ленка оставил за собой право дать дружескую затрещину, я же в ответ единственный мог слегка ударить его по-дружески кулаком в плечо. Этим отношениям многие в банде завидовали.

Существовало и еще одно воскресное, любимое старшими занятие. Кулачные бои, «стрелка» за бараками, куда участвовать допускали только старших, а малых посмотреть, только избранных. Как попал в банду, так получил право присутствовать на этих боях. В воскресенье выясняли отношения все, кто в течение недели что-либо не поделил, силой мерялись, носы ровняли, приемы отработывали. Не потасовка простая, а именно бой с пусканием крови. Когда первый раз смотрел, не заметил, как начал приемы повторять и уворачиваться, будто сам дрался. Заканчивался бой всегда «кровяной». Применение оружия запрещалось, только кулаки, никаких финок, ножей, заточенных гвоздей. Моим любимым приемом, который я заприметил себе и отработывал, стал апперкот – мощный удар в ближнем бою, который рубит снизу вверх по подбородку противника, часто сваливая с ног в нокаут.

Не догадывался я тогда, что, выбирая, как должен поступить, я иду своим жизненным путем, который меня выведет из тьмы. Вот так вырастет человек, и его мировоззрение и отношение к вещам меняется. Только судьба одних ведет по одной тропе, а других – по другой. У кого-то эта дорога полна преград, кто-то шагает по жизненному пути легко и уверенно, а кто-то и вовсе боится всего и идет, озираясь, как бы выглядывая из-за угла, медленно и неуверенно. Спустя многие годы я удивляюсь сам себе. Как удалось выжить и благодаря чему, очень часто находясь на волосок от смерти, учитывая, через что пролегла моя тропа жизни, через что мне пришлось пройти. Ведь многие, кого я встречал, и которые, на мой взгляд, были более удачливыми, погибли. Кто казался мне идеалом и должен был достигнуть высот, получали резкий поворот в судьбе в противоположном направлении.

Кто же управляет тем, как сложится твоя жизнь? Отчасти ты сам. А в остальном? Уверен, что необъяснимая сила, которой я премного благодарен. Картина моей жизни создавалась, подобно эффекту муара в результате наложения одних событий на другие. Я ничего бы не

хотел изменить в ней, потому что тогда моя жизнь в своем итоге могла сложиться совсем по-другому, а я бы этого не хотел.

В колонии я прожил четыре года: с 33-го по 37-ой год. Случилось как в известной поговорке: не было бы счастья, да несчастье помогло. В 1937 году Ежовщина, или Большой террор, шагали по стране. Названий данного исторического периода несколько. А по сути, это убийства и гонения абсолютно всех слоев населения на всей территории государства. Согласно «плановому заданию» уничтожали врагов народа. Распространены были доносы, писали все друг на друга, а реагировали даже на самую мелкую провинность, такую как: «наступил в очереди на газету, где был портрет вождя». По городам и селам ночью разъезжал «черный ворон» – машина НКВД закрытого типа, и там, где останавливалась, молились всем домом, чтобы не к ним постучали в дверь. И вот все жители у окна видят, как выводят кого-то в наручниках, и многие с облегчением вздыхают. Судьба этого человека предрешена, она в руках «тройки». Где один – представитель НКВД, второй – прокуратуры, третий – суда, которые выносили один из двух возможных приговоров: расстрел или ссылка на пять, десять или пятнадцать лет. Все это происходило в один день. После вынесения приговора на следующий день приезжал «черный ворон» за семьей врага народа, жену также судили.

Репрессии касались взрослого населения, а детей этапам свозили в имеющиеся детские колонии. Но поток детей был столь велик, что правительство приняло решение, согласно которому, таким, как я, разрешалось вернуться к родным. Получалось, что благодаря репрессиям я вернулся к маме. Вот так снова одно событие, наложенное на другое, дало результат, которого я ждал, проживая каждый день в колонии.

О, как я пел во все горло, когда узнал, что уезжаю к маме, что она не просто приедет, побудет и уедет до следующего дня свидания. А мы вместе, взявшись за руки и не оборачиваясь, покинем навсегда это ужасное место. «Мы будем жить вместе, – проговаривал про себя множество раз и не верил до конца, что так и будет». Я тысячу, нет – миллион – раз, мечтал об этом и представлял, как обниму ее и не отпущу.

Вдоволь наоравшись песен – так у меня радостные эмоции лезли наружу, через искусство – я пошел считать часы до самого радостного события в моей жизни. Вдруг я осознал, что недавние события напрямую связаны с моей свободой. Незадолго до того, как мне сообщили, что для меня скоро все закончится, в колонию начали прибывать новенькие. Раньше это было не так часто и не в таком количестве. Теперь же руководство колонии все наши кровати превратило в двухъярусные. Из двух обычных солдатских пружинных кроватей, сваривали новые спальные места для детей. При сварке использовали карбид, поэтому вонь стояла ужасная, белые потеки везде по территории возле бараков.

Детей поступало много, и каждый из них рассказывал свою историю о том, как попал в это место. Одна история была страшнее другой. Поэтому, поняв, чему я должен быть благодарен, я расстроился. Я знал, что ждет всех этих детей. Я прожил здесь четыре года, но моя мама жива, и она приезжала ко мне и заберет меня буквально через пару дней домой. А слушая истории новеньких, я понимал, что уже никто и никогда их не навестит, и мечтать, что родители их заберут, они не смогут. У них забрали даже эти мечты.

Глава 10

Детство

Когда мама меня забрала, она уже занимала должность завуча младших классов, вела свой класс начальной школы и все так же преподавала литературу в старших. В первой половине дня обучала малышей, а во второй – старшеклассников, плюс занималась организационной работой школы.

Я проснулся, когда еще было темно на улице, и снова закрыл глаза. Не поверил, что рядом нет еще ста девятидесяти девяти кроватей и что рядом спит мама. Закрыл их и на мгновение затаил дыхание, боясь, что все исчезнет, когда их снова открою. Я так много раз мечтал о том, как проснусь не в бараке, а рядом с ней, что сейчас, когда оказался далеко от колонии, не поверил в это. Посчитав до десяти про себя, неспешно открыл сначала один глаз, потом второй. Все осталось на месте: и комната не исчезла, и моя мама, проснувшись, смотрела на меня глазами, полными любви. Кажется, она тоже готова была зажмуриться, не веря в то, что я рядом. Никто и никогда не смотрел на меня так, как она. В этом взгляде любовь, надежда и вера перемешались в одно целое, он словно окутывал меня в безопасный кокон. Я обнял ее, перед этим все же ущипнув себя довольно больно за ногу.

Жили мы в одном из кабинетов школы. Два из них выделили под жилье для учителей. В каждом разместилось от восьми до десяти человек. Вместо стен перегородками служили географические карты на подставках. Но коллектив был дружный, и все обрадовались, когда Анастасия Михайловна познакомила их со мной. Все радостно приветствовали, говорили, что мама обо мне много рассказывала, и подарили в день приезда книгу и конфеты. Неужели эти подарки никто не отберет? Я по привычке конфеты спрятал под матрас, а книгу положил за пазуху.

Освоился на новом месте очень быстро. Воссоединился с мамой, когда была пора летних каникул, и теперь гонял в селе и по рощам целыми днями. Теперь я по-настоящему свободен! Это ни с чем не сравнимое чувство, когда ты из года в год живешь одной только мечтой, и вот она осуществилась. Для меня небо стало более голубое, трава зеленее, все вокруг стало ярче, мир поражал и ослеплял своими красками. А воздух какой! Дышал, громко втягивая воздух носом и не мог насытиться.

В первый же день приезда подружился с местными ребятами. Узнав, что я не умею плавать, сразу решили это исправить.

– Это не важно. Мы все не умели плавать, а зараз спокойно переплываем речку, – сказал Петро.

Он был самым старшим среди местных ребят, ему было двенадцать лет. Жил с матерью в одном из сельских домов и учился в школе. Моя мама была его первой учительницей в младших классах. У них в семье было трое детей, но два брата не перенесли голода, хотя отец и мать отдавали детям последнее, не ели сами. Но в живых остались только он – средний ребенок и мать, отец умер от тифа вскоре за детьми. Петя был высокого роста, поэтому именно за ним все дети двора признали старшинство. Говор у моего нового приятеля интересный был. Поначалу я не все понимал, что он говорит мне. Но быстро разобрался. Часть слов была на русском, часть – на украинском, а третью часть – и вовсе, кажется, он сам придумал.

Петя хорошо учился, несмотря на то, что часто пропускал школу по семейным обстоятельствам – помогал матери. Она болела после голодомора и очень тяжело перенесла потерю детей и мужа. Часто сидела, не двигаясь и не разговаривая много часов, смотря в одну точку. Петя говорил, что потом это состояние проходило, и она снова становилась прежней, ходила на работу на маслоперерабатывающий завод, ругала сына за непослушание или гонялась за

ним по двору, когда он в очередной раз порвал штаны. С одеждой тогда совсем плохо было. У всех – всего по одному: одни штаны на зиму и лето, одна рубаша, одни ботинки всесезонные. А Петька умудрялся свои штаны рвать по несколько раз в неделю, на них от этого живого места не было. Это была одна большая заплатка, а не брюки. Он был фантазером и мечтателем. Все дети всегда ждали его появления во дворе, знали, если Петро пришел, значит, сейчас начнется игра. Он много читал книг, любил приключенческие романы. А говор свой не менял, видя в этом, кажется, свою индивидуальность.

Когда мы познакомились, он очень обрадовался, узнав, что я тоже очень люблю читать. Мы подолгу с ним болтали и придумывали истории и игры.

– Айда на ричку!

Петька побежал, и все ребята за ним гурьбой, я тоже старался не отставать. Подбежали к реке, один из ребят отвязал лодку.

– Сидай.

Я послушно залез в лодку и сел на доску внутри нее, рядом сел еще один парень, а напротив – Петька на веслах. Ловко и быстро доплыв до середины реки, он достал весла из уключин и положил в лодку. Приключения я очень любил, а на лодке до этого ни разу не катался. Необычно покачивало, и стоять было в ней сложно, приходилось держать равновесие.

– Савва, дай мне руки, а ты, – обратился ко второму мальчишке, – бери его за ноги.

Я покорно отдался им в руки.

– Раз, два, три, – скомандовал Петро.

Считая, они меня раскачивали, и на счет «три» я, подлетев в воздухе, погрузился в воду. Инстинктивно я начал барахтаться в воде руками и ногами. Вода попала в уши, я совсем не слышал, что кричали мне мои тренеры по плаванию. Нос болел оттого, что был полон воды. Я начал погружаться на дно. Петька дал мне немного уйти под воду из его поля зрения, а после прыгнул в воду, и они втащили меня в лодку. Я даже не понял, как в ней оказался, и продолжал, словно маленькая собачонка, плыть, размахивая руками и ногами.

– Все гарно. Зараз отдохнешь и повторим. Тебе понравится. Сам потом будешь просить подбросить тебя. От побачиш! А плавать так учат всех, – мой новый друг одобрительно похлопал меня по плечу.

«Я попрошу? Они что, ненормальные что ли?» Я совсем не был рад тому, что согласился учиться плавать. Совсем, оказалось, неприятное занятие – это плавание. Вода была везде. Я никогда сразу столько воды не пил. Живот булькал, как полный бутыль с водой. Нос не дышал, казалось, он увеличился в размерах и вот-вот лопнет. Я ничего не слышал, уши тоже были полны воды. В голову как будто насыпали песка, и при каждом движении ею он пересыпался внутри. Но Петька сказал, что бросать обучение нельзя, нужно обязательно довести дело до конца, научиться сегодня плавать.

– Раз, два, три, плыви! – и снова. – Раз, два, три, плыви!

К вечеру я поплыл. Не поверите, но мне понравилось, правда, сил не было совсем. Я еле приволок ноги домой. И, не поужинав, просто упал на кровать лицом вниз и уснул. Мокрый, грязный, но довольный. Я умею плавать!

Ребята не обманули. Плавать – это действительно безумно весело. Столько интересного связано с рекой, а без умения плавать все это недоступно. Спустя неделю я плавал не хуже моих новых друзей: и на спине, и кролем, и брассом, и нырял, доставая со дна песок.

– Завтра покажем тебе кое-что, – сказал Петька, когда посмотрел, как я резвился в воде спустя неделю. – Туды ходить только проверенные пацаны, а ты, бачу, хоробрый.

На следующий день мы бежали наперегонки к мосту. Это было капитальное строение, которое возвышалось над рекой. Проем между водой и мостом был около шести метров высотой.

– Айда, за мной, – прокричал Петька и помчался вперед.

Мы все поднялись на мост.

– Смотри! – он показал с моста вниз на воду.

– Ого! – только и вырвалось у меня. Вода внизу прозрачная, и было видно дно, а там, в самом низу, лежали огромные темные рыбины, которые по размеру были с меня ростом, а некоторые и побольше. Они не спеша передвигались по дну. Я даже рассмотрел их огромные усища и большие головы.

– Не бойсь, они безобидные. Если, конечно, их не трогать, – сделав паузу, добавил, – я так гадаю. Это сомы. Здесь глубина в речке больше десяти метров, и они спокойно тут обитают.

– Такую рыбину семья в селе может неделю есть! – сказал я.

– Их не едят. Они мертвячиной питаются. Мужики говорят, что некоторые весом больше ста килограммов с полтиной.

– Сто пятьдесят килограммов? – недоверчиво я переспросил.

– Угу, – многозначительно промычал он. – Есть в селе один немой, он спец по ловле этих рыбин. Свой улов продает на корм свиням. Потом придем, я тебе покажу, как он их ловит.

И вдруг я услышал чуть дальше, с другой стороны моста, всплеск. Я испугался, что кто-то упал в воду с моста. Посмотрев в ту сторону, откуда донесся звук, я увидел, что старшие ребята, намного старше даже нашего Петьки, собрались у края моста. Один из них стоял на самом краю, держа руки вверх, и вдруг он, оттолкнувшись ногами от моста, полетел вниз головой! Я подбежал к краю и посмотрел на реку. Парень вынырнул. Когда он немного отплыл от места, куда погрузился, к нему прыгнуло сразу еще двое, но уже поджав колени к животу, создавая специально множество брызг. Потом следующие, но уже с разбега, при этом куврякаясь в воздухе.

– Ничего себе! – Только и вырвалось у меня.

– Да, это старшие. Я скоро тоже буду прыгать с моста. – Петька гордо выпятил грудь. Видимо, на мост пускали по достижению определенного возраста. Он совсем не хвастался, просто был горд, что первый из нас прыгнет с такой высоты. – Мы тренируемся пид мостом, там пониже.

В прыжках с высоты было что-то завораживающее, щекочущее где-то там, внизу живота. Отталкиваясь от края и доли секунды летишь в воздухе, словно птица, а потом погружение. Я к тому времени умел нырять так, чтобы вода не попадала в нос, и умел ловко и быстро вытряхивать ее из ушей. С нетерпением хотел попробовать прыгнуть с высоты побольше, чем плечи друзей или борт лодки. Здесь наверняка можно до «трех» посчитать, пока долетишь до воды. Значит, и ощущения намного круче.

Петро побежал вперед, а я остался смотреть с моста в воду и на прыгающих старших.

– Вниз! – скомандовал настойчивее наш предводитель.

Я нехотя пошел под мост, но там оказалось не менее интересно. Мост опирался на большие бетонные столбы, имеющие металлические выступы на разной высоте. На одной из опор, на высоте примерно трех метров от воды, располагалась небольшая металлическая платформа. Вот с нее мы и прыгали, взбираясь по металлическим выступам. К тому времени я прыгать умел по-разному, но только не головой вниз.

Вскарабкавшись на платформу и с криками: «Ура!» – Петька прыгнул первый в воду «солдатином». Это когда руки складываешь по швам и ноги вместе. Я, не дожидаясь, когда он вынырнет, также прыгнул за ним «солдатином». Я всегда был немного тороплив, когда дело касалось приключений. Вот это ощущения! Мы ныряли, каждый раз придумывая все новые и новые способы погружения в воду с трех метров. И я снова испытывал судьбу, совсем не подозревая об этом.

Самое сложное – это научиться нырять «рыбкой». Ногами вниз, когда уже умеешь плавать, совсем не страшно, но вот головой вниз – это совсем другое дело. Нужно перебороть страх, что не ударишься о воду. У меня пока прыгать «рыбкой» плохо получалось. Совсем не

так красиво, как у других. Я все считал, что мне мало высоты и поэтому вхожу в воду не так ровно, как хотелось, а немного животом или ногами. Здесь можно отточить мастерство.

Когда мы смотрели в реку с моста, вода в ней была прозрачная, а под мостом она была темная: лучи солнца не проходили сквозь бетон, и дна видно не было. Я подплыл к опоре и взобрался на платформу. Решившись прыгнуть «рыбкой», долго не мог найти место, куда бы нырнуть, с какой из сторон. То на один край платформы стану, то на другой перейду. Наконец-то я выбрал, по своему мнению, самое лучшее место, куда полечу головой вниз. Приготовился и сиганул. Погрузившись в воду, почувствовал сильный удар по голове. Почему-то руки меня не слушались, ноги тоже, я медленно погружался, почувствовал лишь, что кто-то ухватил меня под грудь и потащил вверх. Когда меня положили на берегу на траву, ребята столпились вокруг. Я ничего не слышал, что они говорят, в голове стоял сильный шум, заглушающий все. Поднять голову не мог. Почему-то лица всех, кто стоял и смотрел на меня, были перепуганы. Понемногу слух возвращался, начало покалывать в руках и ногах, я пошевелил пальцами. Осторожно и не спеша поднял руку и попытался прикрыть ею глаза, потому что солнце ярко светило, и было неприятно. Лоб что-то щекотало. Предположив, что это насекомое, решил смахнуть рукой, но ощутил что-то липкое. Я одернул руку и взглянул: она вся была красная.

Это же кровь. Откуда она? Все не мог понять, что же произошло. Постепенно начал ощущать боль в месте удара.

Нарастала сильная головная боль, от которой не мог подняться.

– Его срочно нужно отвезти в больницу, – кричали взрослые.

Меня усадили на подъехавшую телегу и повезли в больницу. По пути осознал, что когда нырял, то ударился обо что-то твердое в воде головой и думаю сильно, так как лица взрослых были очень обеспокоенными. Петька, как старший и ответственный, поехал со мной.

– Сильно все плохо? – спросил я его.

– Да, кажись, ничего страшного. Только крови с тебя як з поросся, – ответил, улыбаясь, Петя.

Его ответ успокоил, но на тряпку, которую мне дали держать у головы, решил не смотреть, чтобы не стало дурно.

В больнице после осмотра доктор сказал потерпеть. В его руках появилась нитка.

– Прямо как носки штопать будете? – юмор меня не покидал даже в эти минуты.

– Немного нужно подправить, – с улыбкой сказал доктор. – Тебя как звать?

– Савва.

– А меня Николай Федорович. Ну, терпи, казак, атаманом будешь, – пошутил он в ответ.

После всех манипуляций Николай Федорович присел рядом на корточки и спросил:

– Герой, голова болит?

– Немного спать хочется и щиплет, – зевнув, ответил ему.

Мама вбежала в кабинет доктора, когда мы уже беседовали, и я в красках рассказывал, как получил первое ранение. Вид у нее был очень взволнованный, но увидев, что я сижу на кушетке, болтая ногами и улыбаясь, успокоилась.

– У него все хорошо, – заверил доктор маму, – а шрамы лишь украшают мужчину. Не переживайте. Голова поболит пару дней, и уже к концу недели будет как новенький.

Приключение мне понравилось. По селу среди других ребят теперь ходил гордый: у меня же есть шрам, мне его даже зашивали. Девчонки на меня даже взглянуть стеснялись.

На улицу гулять побежал уже через три дня. Ребята, с которыми был на речке в тот день, рассказали, что в том месте, где я ударился головой, когда нырял, оказывается, лежала замуленая огромная металлическая сеялка с полей. Река Псел разливается в поля на несколько километров, а когда половодье сходит, природная сила воды уносит в реку все, что было забыто на полях. Вот так сеялка оказалась в реке. Течением ее несло, но она застряла в опорах моста,

пока я ее не нашел. Думаю, мне очень сильно повезло, что рассечение оказалось поверхностным. Это хорошо, что я прыгать «рыбкой» не так хорошо умел и не так ровно. Прыгни я под другим углом, чуть сильнее и ровнее, как хотел, одними швами бы не обошлось.

Петька очень переживал после моего прыжка и даже не ходил гулять, пока я дома был. Он настоящий мой первый друг. Все дни проводил со мной. Рассказывал, что научит ловить рыбу, а еще о секретном месте, куда обязательно отведет.

– Туда не всех берем! Только проверенных. Слухай, давно спросить тебя хотел. Откуда у тебя полосы на спине?

Я сделал вид, что не услышал вопрос, и начал расспрашивать о тайном месте. Сам же вечером у мамы решил спросить, что там у меня на спине. Себя не видел со спины и не знал, что там тоже есть шрамы.

– Ой, Савва, даже не знаю, как ты дожил до своих лет, ты такой непосидючий и постоянно попадаешь в какие-нибудь истории, – проговорила мама с улыбкой шутливым тоном, при этом потрепав меня по голове, взъерошив волосы. Я так это любил и всегда подставлял ей свою голову, подобно котенку, который хочет, чтобы его погладили. Сел поудобнее, зная, что рассказ будет интересным и длинным. – Случилось это, когда мы жили еще в общежитии в Одессе, и ты был совсем еще маленький.

Она поведала мне о том, что мои пеленки ну совсем плохо сохли. Розетка на весь этаж общежития была всего одна – в подсобке, где все студентки готовили еду. Утюг электрический был один вообще на все общежитие, поэтому ее подруга, Ольга Феликсовна, подарила утюг на углях. Это было большое, тяжелое, металлическое приспособление для глажки, прародитель современного, более удобного. Работал он просто. Необходимо было нагреть угли в печи, засыпать их, откинув крышку вовнутрь, закрыть крышку на щеколду и, взяв за ручку сверху, раскачивать из стороны в сторону, разогревая угли докрасна.

Горшок тогда я еще изучил плохо, точнее, его предназначение, пеленок было очень много. Мама говорила, что после вот такой вот сушки утюгом она еще несколько часов рук не чувствовала. Весило такое орудие труда ни много ни мало десять килограммов. А я уже тогда немного ходил; точнее, мама говорит, что я не пошел, а побежал сразу, причем часто страдали нос, губы и ладошки с коленками, но в этот раз пострадала спина. Подбежал я под мамину руку как раз тогда, когда она держала раскаленный утюг, в тот самый момент, когда раскачивала им, чтобы разогреть посильнее. Угли уже были достаточно красными внутри, и мама уже хотела продолжить гладить, как почувствовала, что в воздухе кого-то прогладила. Это был я. Мама от испуга задержала руку, я тоже от страха молчал, но потом меня слышало все общежитие, причем долго, пока мама не отнесла меня в госпиталь все к той же подруге, которая дарила утюг. С тех пор, как только солнце пригревало мою спину, на ней проявлялся рисунок подошвы утюга – мелкие полосы.

Когда мама разрешила уже выходить во двор, Петька обрадовался, казалось, больше меня.

– Я обещаю тебя научить рыбу ловить. Айда на речку. – Петро побежал вперед. Резко остановился. – Совсем забыв, потрибно червей сначала накопать.

В навозе палками накопили целую жестяную банку червей. Петька сбегал домой, принес нитку, ведро и два небольших крючка. Когда пришли на речку, он начал мастерить удочку. На нитку навязал крючок, после из кармана достал маленькие серые шарики.

– Это свинец, я його у охотников выпрошую, – пояснил Петька происхождение шариков.

Взял один и прикусил, от этого шарик расплющился. Нитку положил на свинец и снова прижал зубами, шарик оказался уже на нитке.

– Это получилось грузило. Теперь навчу тебя поплавков делать, – и он достал из кармана два гусиных пера.

Одно дал мне, другое начал общипывать. Я сделал все в точности за ним. Аккуратно подрезав то, что осталось от пера, он продел в него нитку и закрепил маленькой щепкой, чтобы не двигалось.

– Поплавок готовый, осталось сделать удочку, – с этими словами он срезал две ветки длиной около одного метра, почистил от коры и мелких веточек и навязал нитку с грузилом, крючком и поплавком.

– Ну, глянь. Удочки готовы, – сказал мой друг, гордо осматривая свои творения. – Ловыты зовсім не важко, до того ж ты втѣпный, у тебя все получится.

– Какой? – спросил я, не понимая.

– Ну, схватываешь з лёту, – смеясь, объяснил друг.

Его язык я всё еще не до конца понимал. Были слова-загадки как это, например, над которыми без пояснения я бы несколько дней ломал голову, переводя.

Сначала у меня, как и с плаванием, ничего не получалось. На берегу реки мы разулись, закатали штаны и неглубоко зашли в воду. Петро показал, как червяка на крючок наживлять и как забрасывать подальше наживку.

– Это меня батко научил, когда живой был. Меня та братив, – проговорил Петька, ловко вытягивая небольшую серебряную рыбешку и бросая ее в ведро с речной водой. – Можем их приготовить. Я тебя и этому навчу. Только з дому визьму казанчик. Ты, главное, Савва, не поспишай, – поучал меня Петька рыбной ловле. – Почекай, пока не видчуеш, що рибка схопила червяка и трохи смыкае удочку. Тоди ты подсекай – смыкни у видповідь ризко, щоб пийматы на гачок. И тяни. Швиденько, та обережно, щоб не зискочила. Зрозумив?

К вечеру в ведре плавали четыре пойманные мною рыбки. Я так радовался, когда поймал их, что в ведре, полном рыбы, их отличал среди других.

В этот день мы так увлеклись ловлей, что не заметили, как начало темнеть.

– Уху варить навчу другим разом. – Петька спешил домой к маме. – Зовсім забув. Обицяв матери допомогты. Трымай, – и он дал мне в руки держать второе небольшое ведро, куда пересыпал половину всего улова. – Это тебе.

– Я же всего четыре поймал, – удивился я.

Петро об этом ничего слышать не хотел, когда я запротестовал.

– Нам з мамкою полведра выставить з головою. Мы же разом ловили. Вторая половина по-братски твоя.

Вечером дома маме гордо протянул ведро с рыбой. Я ж сам на ужин еду достал, и главное – не пришлось ни у кого попрошайничать или обманывать. Она приготовила и угостила всех соседей. Я видел, как она гордилась мной, и для меня это была самая большая награда из всех. Потом уже, перед сном, я много размышлял, какой же мой новый друг хороший человек. Я обязательно буду с него брать пример, не в речи, конечно, но в поступках. На другой день я снова получил подтверждение своих недавних рассуждений на тему правильного и неправильного.

Мы снова ловили рыбу, и к нам присоединились еще ребята из села. Мишаня – самый маленький из всех, ему было годиков пять, и у него ну совсем не получалось поймать ни одной рыбки. Мимо по дороге проходил дед Панас, наш сосед в селе, с полным ведром рыбы.

– Что малой, не клюет? – спросил он у грустного Мишани, который бросил удочку и хотел уже было заплакать. Руки сложил на груди, а губы дрожали. Вот-вот и разрыдается, как девчонка.

– Нет, – буркнул тот, немного надув нижнюю губу в обиду на реку или на рыбу.

– А у меня с утра, смотри, какой улов. Видал? – и он показал свое ведро, в котором плескалась рыба. – Секрет хошь расскажу? Даже два секрета, – немного понизив голос, проговорил он малому.

Мишаня потянул голову к деду, чтобы лучше расслышать тайну секретной ловли.

– Ты с какого конца червя надеваешь? – спросил дед.

– Я? – Мишаня начал вспоминать, с какого же конца он червя нанизывает.

– Вот! А нужно всегда его задней стороной на крючок. А перед этим его самое важное... – и дед Панас еще тише заговорил, да так, что слышал только малой. – Понял?

Мишаня кивнул головой, поднял удочку и начал из консервной банки червя доставать. Дед Панас ему подмигнул и пошел прочь, в сторону села, насвистывая мелодию. Мы уже и забыли, что там за секреты говорил сосед малому. Только смотрим на него, а он червя облизывает.

– Ты что – с ума сошел? – закричали ему. – Они же в навозе.

Мишаня стоял снова с глазами, полными слез. Его все лицо было измурзано навозом.

– Дед Панас сказал, что так я поймаю самую большую рыбу и победу, – и уже слезы у него текли из глаз: он понял, что старик над ним просто пошутил.

– Сегодня, Мишаня, ты победил, – сказал Петька, смеясь, и весь свой улов пересыпал малышу в его ведро. – Беги к мамке, покажи, сколько у тебя рыбы.

Когда он убежал, мы покатались со смеху, вспоминая, с каким умным видом Мишаня искал, где у червя голова, и облизывал на удачу навозного жителя.

Все было по-другому в этом новом мире, куда меня забрала мама. Мне не давали затрецины старшие дети, младших вообще не обижали, а наоборот, защищали и оберегали, именно так, как я всегда это себе представлял. А с Петькой у меня складывались настоящие дружеские отношения. Мне не нужно было отдавать ему через силу кусок хлеба, я с удовольствием всем делился с другом.

Рыбалка стала моим любимым развлечением. В этот день Петька не смог пойти со мной на реку. Его мама плохо себя чувствовала, и он остался помогать. Я же решил порадовать их вечером свежей рыбой для ужина. Думал отдать всю, что поймаю.

Из недолгого опыта рыбной ловли, понял, что лучше всего заходить в камыши и оттуда забрасывать удочку: там рыбка покрупнее и клюет чаще. Выбрал новое место, подальше от села. «Наверное, здесь никто не ловил до меня, камыши вон какие высокие», – подумал я, идя вдоль реки по берегу. Отойдя довольно далеко от обычных наших мест, я как всегда закатал штаны выше колен и зашел в камыши. Но все никак не удавалось поймать ни одной рыбки. Двигаясь влево и вглубь камышовой заводи, внезапно ощутил движение вокруг моей правой ноги. Посмотрел вниз на воду. И – о, ужас! В мгновение из воды показалась небольшая голова с открытой пастью, которая вцепилась мне в ногу. По всему телу пробежала дрожь. От боли страх исчез, я схватил тварь за голову и с силой потянул. Это оказалась змея. Инстинктивно бросил ее подальше. Гади́на полетела на середину реки, словно кусок веревки, извиваясь и проворачиваясь в воздухе. Мне показалось, я научился бегать по воде, так быстро я несясь и орал:

– Помогите! Умираю! Меня укусила змея!

Я же сам на реке был. Петька дома, другие ребята не захотели идти с утра. Бежал и больше всего боялся, что мне станет плохо, и меня никто не найдет в этих местах. Думаю, в тот день я побил все существующие рекорды по бегу на дистанцию примерно в два километра. В месте укуса ощущал, будто приложили раскаленную кочергу и держат, но я даже не прихрамывал. Мама как раз развешивала стирку во дворе, и побежала мне навстречу, услышав мои истошные вопли.

Николай Федорович в тот день понял, что я буду его частым пациентом. Медсестра под его руководством делала какие-то манипуляции с ногой, но я решил не смотреть после того, как она взяла в руки большущий шприц и приблизилась ко мне. Я же герой, а герои не трусят. Подумаешь, шприц, в котором игла размером с карандаш. Мне сделали уколы шприцем поменьше в руку и в ногу.

– Ну что, боец, страшно было? – спросил доктор.

– Немного, – признался я.

– Наступил на нее, наверное, вот она и укусила, – обернувшись к маме, продолжил. – Сейчас очень много случаев укусов гадюк. Хорошо, что сразу же пришли, – посмотрев на мое покрасневшее лицо от бега, добавил: – Точнее долетели, – мы все засмеялись.

Когда вернулись домой, мама, по рекомендации доктора, уложила меня в кровать и принесла чай. Мне нужно было так провести пару дней и много пить. Пока я был дома, все ребята ходили смотреть на мои новые шрамы от укуса змеи. Их еще никогда не кусала змея, и им было очень интересно послушать, каково это. Я был знатным рассказчиком, все слушали мою историю и аж рты раскрывали, особенно когда я в красках описывал, как огромная змея свою пасть открыла, да так, что я увидел ее желудок и все, что она ела до этого. Девчонки, которым тоже было интересно послушать, аж зажмуривались, когда я описывал змеиные клыки, с которых капал яд, и зловещие огромные глаза твари. По правде, глаз змеи я вообще не увидел, да и зубы почувствовал только уже в своей ноге. Но им нравилось слушать, а я любил рассказывать. Еще им нравилась та часть истории, в которой я сражался с огромной гадюкой, обвинившей всего меня своим скользким телом. Теперь я окончательно стал самым популярным парнем на селе.

Мне снова можно было гулять. Солнце каждый день заглядывало в комнату и манило лучами идти резвиться по зеленым склонам. А я не мог даже по комнате побегать. Мама следила за тем, чтобы я не вставал, или просила Петьку присмотреть за мной. Он ей давал обещание, поэтому я несколько дней был, как умирающий, прикован к постели. Ребята навещали меня все дни, а Петька вообще не гулял, пока я болел, и не ходил на улицу играть с другими ребятами.

– Якщо бы пошел з тобою, тебя бы никто не укусил, – говорил он мне, ощущая вину за случившееся. Поэтому в первый же день моего выздоровления решил по-своему ее загладить. – Сегодня пойдем, – подмигнул мне. – Через пятнадцать минут, биля мого дому, только никому не говори, – сказал это и убежал.

Я остался играть во дворе школы для вида. Потом не спеша пошел к дому друга. Там меня уже ждало пятеро ребят и Петька.

– Все? – спросил он сам себя. Осмотрев нас, добавил. – Кажись, все. Ну, побиглы.

Я знал, что недалеко от Рашевки располагался большой, известный на всю страну завод по переработке семечки. На нем работали люди из близлежащих сел. Он находился не совсем близко, и мы бежали всю дорогу. Взобрались на небольшой пригорок, и в низине нашим глазам открылся дивный вид. На равнине, вдалеке, стоял большой комплекс, похожий на огромное серебряное чудовище не из нашего мира. Шесть огромных бочек соединялись причудливыми металлическими конструкциями. Чуть дальше виднелись бочки поменьше, необычной формы, напоминающие огромные болты: большая толстая нога, а сверху круглая шляпка. На въезде, ожидая пропуска, стояла вереница груженных мешками телег.

– Це семечку привезли, – пояснил Петька, показывая пальцем на обоз.

Чуть поодаль от серебряных бочек-болтов стояла высоченная труба, которую опоясывали металлические конструкции. Из нее поднимался в небо белый дым, который, казалось, образовывал облака причудливых форм.

– Ходимо, – скомандовал наш главарь.

Мы спустились с пригорка, обогнули обоз и вышли к забору, который ограждал территорию завода. Сверху ограждения, подобно растянутой пружине, красовалась колючая проволока. Мы прошли вдоль него метров триста, повернули за угол. Пройдя совсем немного, Петька остановился. К забору в этом месте был приставлен большой кусок шифера, а из-за кустов, растущих в этом месте, сразу его и не разглядеть. Заслонка была бетонного серого цвета, точь-в-точь как забор. Ребята аккуратно отодвинули шифер, и за ним оказалась дыра в заборе.

– Он треснул в этом месте, а мы розобрали и прикрыли. Это нашенское тайное место для игр. О нем тебе все время казав, – сказал это Петро и полез в дыру. Мы все последовали за ним. – Не бойсь, нас не гонют отсюда, мы тута свои.

И действительно, мы спокойно шагали по заводу, некоторые работники даже здоровались с Петькой и ребятами.

– Моя мамка тута работает, – важно сообщил он.

Мы прошли в одно из помещений завода.

– Здеся жарят семечку, – с видом гида начал экскурсию Петро. – Открывайте карманы ширше.

Мы зашли в большой зал, в котором вкусно пахло и было очень жарко. Наш гид подошел к одной из работниц, которая с ним поздоровалась.

– Тебе как обычно? Попроженнее? – спросила она его, улыбаясь.

– Угу, – ответил Петруха и подошел ближе. Она насыпала ему полные карманы только что приготовленной семечки. Он подвел меня.

– Це Савва, мий друг, – отрекомендовал Петька. Я скромно, опустив голову, приоткрыл карман брюк. В то мгновение мне вспомнились времена колонии и базар почему-то. Семечки приятно обожгли ногу, оказавшись в карманах брюк. Работницы этого цеха с удовольствием наполняли детворе все имеющиеся карманы на одежде: и в штанах, и на рубашках, у кого был нагрудный. У некоторых даже был специально пришит внутренний кармашек на брюках. Теперь мне стало понятно, для чего он предназначался.

– Теперь пошли в нашу схованку, – и гид по заводу увлек нас за собой в другое помещение. Мы попали в огромный ангар, куда сгружали отходы. Огромные кучи шелухи от семечек, высились словно горы, образовывая горный хребет.

– А теперь будем играть в цурки.

– Чего? – не понял я, когда все разбежались по ангару, словно мыши, а я остался стоять один.

– Прятки, жмурки, цурки, – убегая от меня, кричал Петька. – Ты вода, раз последний остался.

Конечно, первую и последующие три игры водой был я. Игра проста – найти всех, но на деле оказалось все не так просто. Прятались не за кучами шелухи, а полностью в них зарывались. Только спустя годы я понимаю, что эта игра всех нас могла тогда погубить. Можно было запросто задохнуться, или присыпать могло так, что мы бы и не нашли игрока. Но в этой игре с нами ничего не приключилось плохого. Единственный минус – потом эти шкарлупки и семечки были везде, когда я приходил домой и раздевался. Мама немного ругалась, но как всегда с улыбкой:

– Савва, скоро в комнате прорастут подсолнухи, столько их с тебя сыпется каждый раз. Марш за веником. Я за тобой убирать не буду.

На завод бегали нечасто, но играть там было одно удовольствие. В одно утро Петро придумал старую игру на новый лад.

– Будем играть у вийну, – сообщил он, запрыгнув на пенек в лесу, где мы все собрались. – Зараз разделимся на две команды. Одни за наших, другие за немцев.

Как и полагалось, немцами никто быть не хотел, но тянули жребий, и игра начиналась. Рогатки в руки, камушки, ягоды из рощи или леса – и вперед. Мелкие камушки вымазывали в ягодном соке, и сразу было видно, кто убит, а кто ранен. Сыграв раз, поменялись местами по команде командира Петьки, чтобы никому не было обидно.

После одного из таких сражений в лесах под Рашевкой, уже под вечер, залетаю домой довольный, покрасневшийся, травами полевыми надышавшийся и понимаю, что сбит на подлёте. Мама стояла посреди комнаты, уперев руки в бока, сжав кулаки и потопывая одной ногой. Ее глаза в такие моменты меняли цвет, как тогда, в колонии, но грусти в них не было, она

смотрела укоризненно. Ну, а если при этом я слышал: «Ярослав, давай поговорим серьезно», – всё: пиши пропало! Именем полным меня называла только она и исключительно, когда впереди предстоял долгий разговор «по душам».

Дело в том, что в этот день мы играли в войнушку, а соседский парнишка Грицько принес на игру казан из дома. Мы всегда очень метко стреляли из рогаток, целились, чтоб наверняка в голову, тогда игрок противоположной команды выбывает из игры. Если в тело, то считалось, что ранен, и можно еще продолжать играть до третьего ранения. Но если ягодный сок отпечатался на голове – это бесспорное выбывание.

– Я буду в каске, и если вы в нее попадете, то не считается, я же в броне.

Мы все тогда сильно позавидовали ему. Он в тот день дольше всех в игре был и победил несколько раз. Но когда начали расходиться по домам, наша зависть рассеялась, как туман на солнце. Поначалу долго смеялись, катаясь по траве и держась за животы, но потом немного испугались. Все потому, что Грицько был обладателем ушей, которые сильно торчали в стороны. Надел он казан легко, а снять вечером его уже не смог. Мы тянули, каждый по очереди, но все впустую. Грицько визжал, как резаный поросенок. Поняв, что самим друга не освободить, пошли с повинной к взрослым. Казан был отменный, чугунный, долго еще с ним возились слесари на машинно-тракторной станции, куда мы привели бойца. Мы же все у двери столпились и ждали, чем закончится. Ярко-желтые искры от пилы летели в разные стороны, а от звука наш солдат и вовсе, думаю, оглох. Когда прибежала его мама, мы спрятались. Из гаража Грицько вышел свободный и довольный, получая от матери подзатыльники по дороге. Его уши были цвета бураяка и теперь, казалось, торчат больше прежнего, на лбу четко отпечатались ободок казана. Самое главное, ему не придется ходить с этой посудиною на голове всю жизнь.

– Мне стало известно, что одна из семей в селе осталась без казана, – начала разговор со мной мама, несколько раз назвав меня полным именем. – Мне пришлось отдать им нашу кастрюлю. Теперь не знаю, в чем готовить, у нас она тоже была одна. Придется одалживать у Семеновых. Когда же ты повзрослеешь?

– Я уже взрослый, – обычно отвечал я. – А вдруг немцы придут, а мы как раз тренируемся.

Грозно смотреть на меня она долго не могла. А в этот раз на мою реплику рассмеялась. Я даже слегка обиделся, ведь к тренировкам относился серьезно, а она смеется.

* * *

– Немой сегодня будет ловить, айда покажу. – Петро забежал ко мне в комнату с самого утра, я еще в кровати лежал.

Я молниеносно оделся: меня ждали новые приключения. Когда прибежали на мост, на одной из сторон, у поручня, уже стоял мужичок в рваной неопрятной одежде, невысокого роста и очень худой, в руках держал огромный четырехзубчатый крючок. Когда подошли ближе, то я увидел, что это была так называемая «кошка» – приспособление для вытаскивания ведер из колодца. Сверху этого большого металлического крючка было приварено кольцо, в которое немой продел и закрепил толстую веревку толщиной в несколько моих пальцев. Немой осмотрел работу, подергал, проверив на прочность, и отложил в сторону. Наклонился к мешку, лежащему у его ног, и достал наживку. Мы стояли недалеко и за всем наблюдали, стараясь ничего не пропустить. Иногда Петька комментировал и пояснял мне действия необычного рыболова. Когда наживка показалась из мешка, мне сделалось дурно. Вонь стояла ужасная. Это была дохлая крыса, причем хорошо по времени полежавшая и приобретающая изюминку для сомов.

– Вин приманку специально подолгу вялит. Я ж тебе говорил, что сомы любят дохлятину, – прокомментировал Петька, зажимая, как и я, нос рукой.

Рыбак наживил на крючок протухшее мясо целиком и начал неспешно опускать его на дно. Тяжелый крючок опускался ровно вниз, его не сносило течением, которое в этом месте

было не таким сильным, поэтому сомы и облюбовали это место. Сквозь прозрачную воду было видно, как снасть погружается на самое дно. Поначалу огромные рыбы неспешно отплыли от незнакомого объекта. Видно было, как они проплывали мимо большого крюка, а потом одна из них, учуяв для себя деликатес, подплыла ближе. В этот момент рыбак замер сильнее, сжав канат руками.

– Она ухватила крючок! – закричал я, пораженный, как быстро это произошло.

Рыбак лишь проверил, закреплен ли конец каната за поручень моста. Сом начал уплывать, утаскивая крючок и натягивая канат. Когда трос натянулся полностью, я почувствовал вибрацию от первого рывка, которая передалась конструкции моста.

– Ничего себе! – я сильнее схватился за поручень, мне казалось, что мост может и не выдержать такого рывка.

– Мост намного крепче, чем даже такая рыба, – успокоил Петька.

После первого рывка немой потянул канат и перевязал его к перилам ближе к берегу. Снова натянулся трос, и снова я машинально ухватился сильнее за перила после рывка рыбы, которой не нравилось, что она уже несвободно плавает. И снова немой подтянул канат и перевязал его еще ближе к берегу. Это продолжалось не один час. Постепенно рыбак вытянул на берег рыбу таких огромных размеров, что я в жизни не видел и не мог представить, что такие бывают. У нее был рот, я бы сказал, от уха до уха, если бы эти уши имелись, маленькие глазки и огромные усища. Ну, совсем неприятная тварь. Я даже засомневался в том, буду ли плавать так же, не боясь, зная теперь, что подо мной такие вот чудовища. Что дальше делал немой, я не посмотрел, отвлекся. Увидел только, что он уже на мосту и снова лезет в свой мешок за наживкой. Мы хотели уже уходить, но решили все же еще немного посмотреть. Снова крючок опустился на дно, но немой зачем-то перегнулся через поручень моста, возможно, крючок за что-то зацепился. Нам не очень было видно с того места, где мы стояли.

– Давай ближе подойдем, – попросил я Петьку.

Не успели мы подойти, как канат дернулся, и рыбак полетел головой вниз с моста. Он совсем не закрепил в этот раз конец веревки за поручень. С шумом упал в воду и быстро погружался на дно. Нам было видно, как немой пытается высвободить руку, вокруг которой обмоталась веревка. Один из молодых людей прыгнул с моста вниз, но ему не хватило дыхания погрузиться вслед за утопающим, которого утягивал сом. Мы уже совсем его не видели, все произошло очень быстро. Улов поймал рыбака, утягивая бедного старика из нашего поля зрения вдоль реки. И вот о том, что рыбак был здесь, напоминает лишь рюкзак на мосту и сом на берегу.

Спустя три дня Петька рассказал мне, что немного нашли рыбаки на берегу, ниже по течению реки. Поговаривали, что сом, утянувший его, самый крупный и взрослый среди всех. Ведь известно, что эти рыбы растут всю свою жизнь, а живут они сто лет. После случившегося я неделю в реку не заходил.

Первое осознанное свободное лето пролетело, оставив уйму впечатлений на всю мою долгую жизнь. Наступила осень. Красивая пора. Когда ты радуешься жизни, а не тоскуешь по любимому человеку, для тебя мир открывается с новых сторон и светится новыми цветами. Любовался видами природы, каждым листочком, травинкой. Дорожил каждым проживаемым днем, потому что всему этому знал цену, будучи всего лишь семилетним ребенком. Многие, прожив жизнь, не понимают счастья в окружающем мире, но только не я. Прочувствовал на себе, что такое, когда у тебя это все отбирают, запирают в клетку и надевают оковы. А потом к тебе все утраченное возвращается, у тебя появляются настоящие друзья и настоящая любящая семья.

Наступило время идти в первый класс. Мама тоже светилась от счастья, она так долго об этом просила небеса. Ее сын идет в школу, и она его первая учительница.

На мои плечи при этом лег двойной груз ответственности.

Не подвести маму, учиться лучше всех остальных, чтобы она мной гордилась. Конечно же, я не подвел маму и стал самым старательным учеником ее класса. Незаметно пролетела и осень, наступили холода.

Зима в колонии проходила намного скучнее, чем лето. Одежда, точнее, ее подобие, и обувь не позволяли долго находиться на улице в мороз. Мы выходили только, чтобы перейти из барака в барак. В этот период я погружался в чтение книг по выходным.

Село – это совсем другое дело, как оказалось. Одним словом – свобода. И одежда не теплее ведь была, но нас было не остановить, никто и не пытался, конечно. Выпал снег, и начала работать Петькина фантазия.

– Вмиеш на лыжах кататься? – спросил он меня, когда снег шел несколько дней и покрыл все вокруг белым покрывалом.

Я отрицательно покачал головой, но понял, будет весело, как всегда.

– Тогда тебе нужно сперва смастерить лыжи. У нас у всех уже есть, – начал поучать друг. – Пошли шукать.

Найти нужно было две по ширине одинаковые доски.

– Шукай подлиннее, – продолжал теоретический курс горнолыжного спорта Петька, – тогда быстрее будет.

Наконец-то я нашел то, что просил Петро, правда, на соседском заборе.

– Молодец, то что нужно, – похвалил мою находку Петька. – Тут мы еще не брали.

Убедившись, что никого нет дома, мы осторожно оторвали четыре доски. Чтобы было незаметно, взяли с разных сторон забора и быстро побежали к нему домой. А я все думал, почему на заборах не хватает досок. Все стало ясно с приходом зимы. Забор идет в помощь начинающим спортсменам.

– Зроблю себе запасные, – объяснил Петька, почему взяли четыре доски.

У него дома в сарае оказалось много инструмента, которым он начал превращать обычные доски в спортивный инвентарь. Сначала поставил их возле меня.

– Потрибно отмерить длину и ровно отпилить, – с этими словами взял пилу и аккуратно подровнял дерево.

Потом из сарая достал рубанок и удалил с досок лишние сучки, зачистил их со всех сторон.

– Тримай, – протянул мне одну из досок и небольшой кусок бумаги, странной на ощупь. – Бэры и починай шлифуваты.

– А когда уже пойдем кататься? – нетерпеливо спросил друга.

– Не сегодня, точно. Еще багато работы, – ответил он деловито.

Мы почти до вечера возились с этими досками, я уже не хотел кататься. Все руки были в мелких занозах, я часто чихал от древесной пыли, которая образовывалась от нашей работы наждачной бумагой. А Петьке все не нравилось, то тут подпилит, то там. «Так скоро из забора спички получатся», – раздраженно думал я. Начинало темнеть, когда Петька сказал:

– Все готово!

– Ура! Бежим, покатаемся?

– Я ж тобі казав. Не сьогодні.

Я, расстроенный, присел на завалинку во дворе, а Петька начал разводить огонь. В недоумении посмотрел на друга. «На них же ездить нужно, а не сжигать, – подумал. – Пусть делает что хочет, я устал».

На огонь Петька поставил большой казан с водой.

– Зараз будемо варыты их, – проговорил и улыбнулся мне.

«Ты, конечно, парень с фантазией, – вслух я это не произнес, боясь обидеть друга, – но не до такой же степени. Не смешно совсем».

Когда вода закипела, он поставил в казан все четыре доски той стороной, где они были заострены и походили на стрелочку, и так держал минут пять.

– Потрымай, а мне в сарай потрибно, – и он убежал.

Вернулся и в руках держал четыре небольших круглых полена.

– Ты мне по одной подавай, тогда скажу.

– Угу! – ответил я.

Первую доску он осторожно у самого края загнул и закрепил при помощи веревок полено как колодку, чтобы на конце доска получилась немного изогнутой кверху. Теперь мне все стало ясно. Повеселев, работа пошла живее.

– Положим в хате на печку. Потрибно гарно просушить дня три-четыре, и будут майжэ готови.

Слово «майжэ» меня насторожило, и то, что ждать три дня, не обрадовало. Но ничего не поделаешь. Эти три дня играли в снежки, строили дома из снега, резвились, как могли, я отвлекал все себя от мыслей и желания уже кататься на лыжах. На третий день с утра лыжи осмотрел мастер и сказал:

– Гарни!

И вот на снегу лежат две пары лыж. После этого работы оказалось совсем немного, как и обещал Петро. Посередине доски, немного ближе к загнутому концу, с нижней стороны, мы проделали неглубокие прорезы в дереве для креплений из ремней. С другой стороны сделали углубления по размеру обуви, чтобы нога устойчивее стояла, немного утопленной в доске. Петька достал из сарая небольшую жестяную баночку со смолой, которую нагрел на разведенном огне во дворе. Кисточкой осторожно смазали в несколько слоев лыжи с обратной стороны.

– Чтобы хорошо скользили, – пояснил наши действия Петька.

Когда взял свою пару в руки, оказалось, что они выше моей головы.

– То, что нужно. На куцах неинтересно ездить.

– Каких? – не понял я, что сказал Петька.

– Коротких, – рассмеялся он.

Смола подсохла. Петька протянул мне небольшой ножик со словами:

– Теперь давай украшать.

Пока я думал, что же этакое нацарапать на своих первых лыжах, Петька что-то ловко строгал на одной из досок. Придумав, гордо начал выводить на одной из своих лыж свое имя: САВВА. На второй повторил имя. Надпись расположил ближе к концу лыж со стороны пятки. Впереди я вырезал по звезде. Получились красивые именные лыжи. Из сарая снова появилась новая жестяная баночка.

– Теперь смажь, чтобы скользили, – протянул Петька мне золотистого цвета баночку.

Это оказалась смесь свиного сала и рыбьего жира. Запах, конечно, мягко говоря, неприятный. Я задержал дыхание и нанес смесь поверх подсохшей смолы.

– Айда ганяты! – скомандовал довольный своей работой Петька.

Мы побежали на окраину села. Сейчас я и не узнал бы это место. А все потому, что здесь были овраги, и выпавший снег полностью поменял рельеф. Пейзаж изменился, из зеленого травяного превратился в белый, заснеженный. Повсюду возвышались белые большие холмы, подобно дюнам в пустыне. Множество детей и взрослых разных возрастов резвились в снегу. Некоторые были с лыжами, точнее на них. Одни дети катали из снега большие шары и делали снеговиков, другие карабкались на горки, а после с визгом и смехом скатывались кубарем вниз. Вариантов, как это сделать, было большое множество: кто на самодельных лыжах, как у нас, кто на кусочке фанеры, кто на большом тазу, а кто и вовсе по-простецки – на животе. На некоторых холмах вниз тянулись широкие полосы более темного цвета, по ним ребяшня съезжала более стремительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.